
**ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
У КРУПНЕЙШИХ МЕНЬШИНСТВ
СОВРЕМЕННОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
(по результатам полевого исследования 1997-1998 гг.)***

Б.Е. Винер

В отличие от распространенного в настоящее время в социальных науках представления об этнической идентичности как о психологическом феномене, полностью конструируемом индивидом, в статье делается различие между этнической самоидентификацией, которая в большинстве случаев формируется в результате «перенимания-от-другого», и другими компонентами этнической идентичности, действительно возникающими, благодаря творческому процессу конструирования. Материалы интервьюирования петербуржцев, имеющих родителей украинского и еврейского происхождения, подтверждают данное теоретическое положение.

В последнее время в социальных науках этничность и этническая идентичность часто изображаются как феномены, полностью конструируемые актором. Отнесение человеком себя к той или иной этнической общности при таком подходе видится, главным образом, как производная от постоянного сравнения собственного поведения и притязаний с поведением и притязаниями других людей. Группа авторов из Петербурга и Германии, придерживающаяся подобной позиции, вынесла свое кредо даже в заглавие коллективной работы об этнической идентичности у представителей этнических меньшинств (1). Целью настоящей статьи является попытка показать, что современные теоретические концепции и накопленный фактический материал позволяют взглянуть на этническую идентичность как на феномен, ядро которого без заметных изменений интернализуется в раннем возрасте в результате общения со значимыми другими, а прочие компоненты, включая смыслы, связанные со своей этнической принадлежностью, действительно конструируются актором благодаря последующему взаимодействию с окружающими.

В первом параграфе данной статьи автор изложит свои теоретические представления об этнической идентичности. Второй параграф посвящен описанию данных и анализу методов, использованных в данном исследовании.

Третий параграф показывает аргументацию самих информантов по поводу

* Исследование проведено при финансовой поддержке Института «Открытое общество», грант № 1103/1998.

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

их самопричисления к той или иной этнической группе. В последующих шести параграфах будут продемонстрированы суждения информантов о факторах, повлиявших на формирование их этнической идентичности. Наконец, в десятом параграфе описано, при каких конкретно обстоятельствах люди осознали свою этническую принадлежность или этническое происхождение. Работа завершается обобщением полученного материала.

1. Теоретическая модель этнической идентичности

Взгляды автора на этническую идентичность (2, с.3-26) в значительной мере опираются на теорию социальной идентичности, разрабатываемую в русле бристольского подхода в социальной психологии. Хогг и Абрамс, принадлежащие к бристольской школе, определяют социальную идентичность как «разделяемое/коллективное представление о том, кем является человек и как ему следует себя вести». Социальная идентичность содержит социальные идентификации и само-описания, которые относятся к самоидентификациям. Примерами самоидентификаций являются англичанин, учитель, христианин, негр. Примеры самоописаний, связанных с самоидентификацией «англичанин»: «тепловатое пиво, пабы, незэмоциональность, дом-крепость, собаки, королевская семья» (3, с. 3, 24-25).

Тернер, один из основателей бристольской школы, определяет социальную идентификацию как восприятие себя в качестве члена определенной социальной категории (4, с.24-25). Идентификации являются когнитивными структурами (3, с.24-25; 5, с.536). И хотя нидерландский социальный психолог Веркуйтен полагает, что «когнитивное и оценочное измерения самоконцепции переплетены» (6, с.281), автор данной работы исходит из допущения, что когнитивный элемент является первичным в самоидентификации. Действительно, трудно дать оценку объекту, который не идентифицируется абсолютно ни с одним из объектов, о которых человек имеет хоть какое-то представление. Это относится и к оценке таких социальных объектов, как этнические группы, и к членству в них.

Бристольский подход позволяет говорить об этнической самоидентификации как ядре этнической идентичности. Все члены этнической группы имеют одинаковую этническую самоидентификацию. Но в их этнической идентичности можно обнаружить различающиеся от индивида к индивиду, от подгруппы к подгруппе стереотипы, установки и другие элементы идентичности. Смена этнической самоидентификации ведет к переходу человека в другую этническую группу. Некоторые люди могут иметь несколько этнических самоидентификаций (обычно не больше двух) и таким образом принадлежать к нескольким этническим группам.

Еще одно важное теоретическое положение, проливающее свет на сущность этнической идентичности можно заимствовать из феноменологической социологии, разрабатываемой Бергером и Лукманном. Думается, что ключевой идеей для понимания процесса усвоения человеком его принадлежности к конкретной этнической группе и появления этнической самоидентификации является выдвинутая ими идея хабиитуализации (опривычивания). Она заключается в том, что повторяющееся действие становится для человека привычным и в будущем воспроизводится им без особых раздумий. Результат хабиитуализации будет особенно действенным в том случае, когда этот процесс осуществляется в ходе первичной социализации человека, т.е. в детском возрасте. Отправным пунктом социализации является интернализация

—основа понимания человеком других людей и окружающего мира. Бергер и Лукман подчеркивают, что такое «понимание возникает не вследствие самостоятельной работы отдельных индивидов по созданию значений, а в результате «перенимания-от-другого» того мира, в котором другие уже живут» (7, с.89-95, 211-212). Таким образом, можно придти к выводу, что этническая самоидентификация возникает у человека не на основе сопоставления знаний о собственных культурных признаках с признаками различных этнических групп, а благодаря усвоению представления о своей этнической принадлежности от других людей. При этом необходимо также иметь в виду, что при первичной социализации «нет никаких проблем с идентификацией, поскольку нет выбора значимых других» (7, с.219). Т.е., усваивая знание о собственной этнической принадлежности, ребенок может вообще не подозревать о существовании в обществе каких-либо еще этнических групп, за исключением его собственной группы.

Кроме того, при первичной социализации происходит не просто когнитивное обучение. «Обстоятельства, в которых она происходит, сопряжены с большой эмоциональной нагрузкой» (7, с.214). Вот почему смена первичных идентификаций человека (половой, этнической, расовой, кастовой и т.п.) обычно сопряжена с определенным психологическим кризисом, а зачастую вообще является невозможной для индивида, даже, несмотря на наличие благоприятных условий для этого. Мы узнаем, какова наша этническая принадлежность (русские, азербайджанцы, коми и т.д.) от других людей. Позже мы находим свидетельства, которые подкрепляют или не подкрепляют эту категоризацию. В большинстве случаев по крайней мере некоторые объективные черты — такие как язык, религия, обычаи и т.д. — соответствуют этнической самоидентификации человека и подкрепляют ее.

Ситуация является иной для других компонентов этнической идентичности. Стереотипы, предубеждения, мнения о собственной группе могут частично наследоваться путем научения и частично конструироваться заново, хотя бы потому, что опыт предыдущих поколений не всегда способен дать приемлемое объяснение изменениям, происходящим в жизни общества.

Не для всех людей формирование их этнической самоидентификации является беспроблемным. Трудности с выбором самоидентификации могут возникать, прежде всего, у людей, родители которых принадлежат к разным этносам. Если один из родителей принадлежит к этническому большинству населения, а другой - к меньшинству, ребенок обычно идентифицирует себя с этническим большинством (8, с. 120-121). Вот здесь мы уже имеем дело не просто с «перениманием-от-другого», но с осознанным выбором, когда во внимание принимаются и знание языков, и элементы культуры, и статус группы в системе этнической иерархии, и политическая ситуация.

Бывают, однако, и случаи, когда человек причисляет себя к этносу, к которому не принадлежит ни один из его родителей. Можно предположить, что в таких случаях этническая самоидентификация родителей в очень малой степени коррелирует с иными этническими признаками: отсутствует знание языка и обычаев своей группы, нет заметных антропологических отличий от окружающего населения, социальные статусы членов разных этнических групп примерно одинаковы и тд.

Эти теоретические положения получили подтверждение в ходе проведенного автором исследования, описываемого далее.

2. Данные и методы

В 1991-1992 гг. автор данной работы провел в Ленинграде/Петербурге опрос, охвативший украинцев, белорусов и евреев, а также людей украинско-русского, белорусско-русского и еврейско-русского происхождения (9, с.121-142). Собранные данные привели к построению двух возможных теоретических моделей этнической идентичности. Первая из них рассматривала этническую самоидентификацию как результирующую от осознания человеком прочих компонентов своей этнической идентичности (к этим компонентам были отнесены этническое происхождение, поколенческий статус проживания в Петербурге, знание украинского, белорусского или одного из еврейских языков, лингвистическая самоидентификация и этнокультурная самоидентификация). Во второй модели этнокультурная и лингвистическая самоидентификации показаны как результат влияния со стороны этнической самоидентификации. Проведенный логистический регрессионный анализ не позволил отдать предпочтение ни одной из этих моделей и при этом подтвердил, что с точки зрения статистики обе модели могут быть истинными.

Для выбора в пользу одной из этих моделей потребовалось проведение еще одного исследования. На этот раз предпочтение было отдано качественным методам. Американский социолог Зибер полагает, что в большинстве случаев полевые исследования, к которым он относит включенное наблюдение, нестандартизованное интервью и изучение текущей документации, должны предшествовать массовым опросам. Однако «если цель полевого исследования — прояснить или расширить сведения, полученные в ходе опроса, тогда его следует проводить после опроса» (10, с.1335-1337).

Второе исследование (или, если угодно, второй этап исследования) проводилось автором в Петербурге в 1997-1998 гг. и охватило людей украинского, украинско-русского, еврейского и еврейско-русского происхождения. Для проведения полужформализованного интервью* (11, с.103-110) использовался состоящий из 52 вопросов опросник в двух вариантах: для информантов, имеющих среди предков украинцев, и для тех, у кого среди предков есть евреи. Информанты отбирались с помощью метода «снежного кома».

Те из информантов, у которых отец и мать причислялись информантами к одной этнической группе, а именно к украинцам или евреям, отнесены к украинской и еврейской подвыборкам. В тех случаях, когда один из родителей определен информантом как русский, а другой как украинец или еврей, респондент помещался соответственно в украинско-русскую либо еврейско-русскую подвыборки. Таким образом, украинская группа насчитывает 6 информантов, украинско-русская — 10, еврейская — 11 и еврейско-русская — 8. Информантов «чисто еврейского происхождения», считающих себя евреями, найти было несложно, так же как и информантов еврейско-русского происхождения. Не было особых проблем и с людьми украинско-русского происхождения. Сложнее оказалась ситуация с информантами-украинцами или имеющими украинских предков. Укра-

* Автор считает полужформализованное интервью одной из разновидностей неформализованного, или интенсивного, интервью. В полужформализованном интервью используются открытые вопросы (т.е. вслед за вопросом, в отличие от стандартизованного интервью, не следует список предлагаемых альтернатив ответа). Причем опросник готовится заранее, однако в ходе беседы может дополняться вопросами, возникшими у интервьюера, благодаря взаимодействию с информантом.

инские культурные организации объединяют лишь небольшую долю украинцев Петербурга. Кроме того, есть основания полагать, что у членов этих организаций проявления этнической идентичности более интенсивны, чем среди основной массы украинцев города. Поэтому приходилось в основном в поиске респондентов полагаться на помощь друзей и знакомых.

Вышеописанный подход к поиску информантов в основном позволил обнаружить, что те из них, кто имел «чисто» украинское или «чисто» еврейское происхождение, считают себя украинцами или евреями, соответственно. В украинской группе лишь у одного информанта самосознание оказалось двойственным: он относит себя и к украинцам и к русским одновременно. Еще один информант, имея родителей украинского происхождения, считает себя русским. В данном случае автору просто повезло, поскольку он знаком с этим человеком в течение многих лет и имел некоторые сведения о его предках. Информантов еврейского происхождения, считающих себя русскими, обнаружить не удалось.

При проведении опроса в 1991-1992 гг. все респонденты, которые описывали свое этническое происхождение иным образом, чем это интересовало автора, исключались из статистического анализа. Т.е., например, к «чистым» украинцам там относились лишь те люди, которые говорили, что оба их родителя и все дедушки и бабушки — украинцы; в украинско-русскую группу попадали респонденты, один из родителей, которых был «чистым» украинцем (т.е. дедушку и бабушку респондент называл украинцами), а другой «чистым» русским (здесь дедушка и бабушка характеризовались респондентом как русские) и т. д. «Украинцы на 3/4» или «евреи на 1/4» и другие респонденты подобного происхождения из анализа исключались. В исследовании 1997-1998 гг. было решено отойти от этого формального принципа, который имел больше смысла в количественном исследовании. В качественном же исследовании нас не столько интересуют все нюансы этнического происхождения информантов, сколько то, как они объясняют свою этничность. Размер выборки определялся, исходя из принципа формирования теоретического насыщения (12, с.61-62). Интервью длились от двадцати минут до трех часов.

Забегая вперед и предваряя обсуждение результатов исследования, следует обратить внимание читателя на то, что некоторые из полученных данных следовало ожидать, исходя из предложенной в первом параграфе теоретической модели и знаний автора об изучаемых этнических группах (самоидентификация людей моноэтнического происхождения с этносом предков, выражение симпатий к традиционному вероисповеданию своих предков, роль семьи в качестве главного фактора этнической социализации, влияние школьного образования на Украине на этническую идентичность, влияние этнических предубеждений и дискриминационной практики на еврейскую идентичность, более сильное влияние самостоятельного чтения художественной литературы на еврейскую идентичность, чем на украинскую). Другие результаты были для автора неожиданными (самоотнесение частью информантов еврейско-русского происхождения к категории «полукровок», «заражение» этнонациональной идеей от членов других этнических групп, заметное беспокойство информантов украинского и украинско-русского происхождения по поводу антиукраинских предубеждений, довольно либеральное отношение у многих информантов-евреев к их соплеменникам, перешедшим в другую конфессию). Т.е. в ходе одно и того же исследования логико-дедуктивный и индуктивный методы не являются взаимоисключающими.

3. Причины выбора своей этнической принадлежности: мнение информантов

Люди по разному могут объяснять свое решение о самопричислении к той или иной этнической группе. Причем, их объяснения могут и совпадать, и не совпадать с наблюдениями исследователей. В данном параграфе изложены соображения информантов по поводу выбора ими своей этнической принадлежности.

Украинская группа. Украинским информантом довольно сложно вычлнить один-два фактора, оказавших решающее влияние на их украинскую самоидентификацию. Юлия У. к важнейшим факторам, определяющим украинскую этническую самоидентификацию, относит украинское происхождение, по крайней мере, одного из родителей (неважно, отца или матери), знание украинского языка, хотя бы в диалектной форме, знание народных традиций. Религия, по ее мнению, не столь важна, так как среди украинцев есть и православные, и греко-католики. Соблюдение украинских традиций делает человека украинцем, даже если он родился в Америке. В то же время, как полагает Юлия, незнание украинского языка в значительной степени ослабляет вероятность того, что человек будет считать себя украинцем. Но возможны и исключения из этого правила. Игорь С. считает, что на украинское самосознание человека влияют прежде всего происхождение его родителей, место, где человек родился и вырос, и знание украинского языка. Он затрудняется назвать какие-то отдельные факторы, которые не позволили бы считать человека украинцем.

Татьяна Н. полагает, что при определении этнической принадлежности человека необходимо смотреть на совокупность признаков: *«И культура, и религиозная принадлежность, и корни. Родители, деды, прадеды. Все это. Ну, традиции. Кухня. Я себя отношу к украинцам еще по кухне. Потому что везде там борщ».* На нее в огромной степени воздействовали украинская природа и язык: *«Мне долго снились сны об Украине. Все школьные годы. Вот сейчас как-то перестали. Все, что происходит. Это обилие солнца, зелени, мелодичность речи».*

Татьяна Н. рассказывает о своем брате:

«Я думаю, вот мой брат, намного младше меня. Он себя украинцем совершенно не считает. Я еще считаю, потому что как бы с детства напиталась соками. Он родился здесь. Несмотря на то, что родители украинцы, он считает себя русским. Если пишет в анкете, то ему надо вспомнить, что он украинец. Автоматически он напишет русский. То есть это, конечно, воспитание в традициях, в культуре».

Точка зрения Георгия С. очень близка к тому, что было сказано Татьяной Н.:

«Я бы даже, вот, мать, отец, так, это считалось как. И мне кажется, где ты вырос, где ты родился... Ну, хорошо, вот у меня родители — украинцы. Но я живу сейчас в России. Значит, могу что? Претендовать на больше, чем тот, который живет в России. А может у него отец — русский, а мать украинка. Это в зависимости от того, как ты там. Если ты вник уже в эту культуру, вросся, и ты можешь считать себя, любой может считать себя любой национальностью. Это не является, допустим, мерилом того, что, а, вот, если ты родился, фамилия у тебя на «-о», значит, хоть ты лопни, ты должен быть украинцем. Это зависит от того, какую ты культуру, что ты учился, что ты закончил, как ты понимаешь и

как ты относишься к этому народу».

Александр С. подчеркивает значение детского периода жизни человека для развития этнической идентичности. На первое по значению место для формирования этнической самоидентификации человека он ставит знание украинского языка: *«Ну, каким ты можешь быть украинцем, не зная языка».* Очень большое значение имеет место, где человек вырос. Принадлежность к греко-католической религии, по мнению информанта, имеет большее значение для украинского самосознания, чем православие. Здесь можно полагаться на объективность Александра, поскольку его родители не принадлежали ни к той, ни к другой деноминации, а были евангельскими христианами. Не видит он проблем с украинским этническим самосознанием человека, если один их родителей — не украинец. Важным, как полагает Александр, является и соблюдение народных традиций:

«По традициям у нас, что было ярко довольно, вообще-то, она незаметно, вот, мне казалось ничего нет. Сейчас начал думать, и оказывается есть. Колядки, ряженые. Это все есть и было все время. Сколько я жил. Я сам колядовал... Значит, традиции все-таки присутствуют. Я думал, у нас ничего нет. Ничего подобного. У нас есть вышиванки, все это есть. Хотя городской дом, ну видишь, все это есть. Но и это тоже есть. Шторы, например, сделаны из льна, а там мама, или, там, кто-то, там батина жена, они там что-то вышили, и в таком стиле все равно оно присутствует. Так что традиции есть...».

Александр в принципе допускает даже, что, если у человека родители не украинцы, но он родился и вырос на Украине и знает украинский язык, то такого человека при наличии желания его самого можно считать украинцем. Но знание языка для того, чтобы человек был украинцем, является обязательным в любом случае. Алексей К. особое значение для украинской этнической самоидентификации придает проживанию на Украине. Свою родную украинско-немецкую деревню в Алтайском крае он описывает так:

«Там ведь тоже не было какого-то специфического украинского мира. Если думают, что вот, скажем, группа, скажем, изолированная где-то там воссоздает мир или культуру свою родную, скажем, или украинскую или немецкую, мне представляется это все большим блефом, по большому счету. Да эта группа консервирует отдельные компоненты. Но в целом воспроизвести атмосферу, воспроизвести ауру она не может. Я, например, когда первый раз оказался на Украине, я был чрезвычайно удивлен... что слова, скажем, там, знал с детства, они, оказывается, могут быть написаны так, на вывесках или может быть какая-то вот такая украинская обстановка. Но должен сказать, что стереотипы культурные, стереотипы образов, которые характерны для современной Украины, они не мои. Потому что их не было там. А я полагаю, что формирующим началом, вот, в данном случае выступает не столько сам факт материальной культуры, как таковой, а, наверное, все-таки какие-то такие образы той самой культуры, какие-то такие мыслимые что ли... Что касается моей русской, скажем так, самоидентификации, я думаю, что нет, я думаю, что нет. Ни средства массовой информации, ни что другое. Тут, наверное, это была моя внутренняя работа».

Украинско-русская группа. В этой группе разнообразие мнений информантов о важности разных факторов для этнического самосознания человека еще больше, чем в предыдущей группе. Помимо этого, анализ ответов информантов позволяет говорить об

Б. Е. ВИНЕР
*Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
 современного Санкт-Петербурга*

асимметричности требований предъявляемых для того, чтобы считать человека русским или украинцем. Так Александр И. полагает, что украинцем человека можно считать, если он вырос на Украине и, по крайней мере, один из его родителей украинец:

«Ну, потому что трудно себя было бы считать, если бы либо отец, либо мать были бы, там, скажем, украинцами, ну или даже других национальностей. И все-таки родился бы, скажем, у нас здесь, то считать себя украинцем было бы трудно... Ну, знание украинского языка, это мало влияет. Ну, это было бы просто такое знание еще одного языка».

Если же оба родителя — не украинцы, то человек в любом случае не может считаться украинцем. Но вот для того, чтобы человеку, который вырос в России, считаться русским, совершенно не обязательно иметь русских родителей. Влияние русской культуры сделало бы его русским.

Татьяна Г. среди признаков необходимых для того, чтобы считать кого-либо украинцем называет украинское происхождение хотя бы одного из родителей, знание украинского языка, место, где человек родился и вырос, и культуру. Если же оба родителя — не украинцы или человек украинского языка не знает, то этот человек — не украинец. Ольга Н. полагает, что этническая принадлежность родителей человека не является определяющим фактором в определении его собственной этнической принадлежности. Гораздо большее значение имеет место социализации, родной язык и культура. В то же время, если человек родился и вырос в Петербурге, было бы странно считать его украинцем, если оба родителя — не украинцы. Такое возможно лишь при социализации этого человека на Украине. Русским в России, по мнению Ольги, можно считать не обязательно человека, имеющего русских родителей: *«Потому что, если ты, вырос в этой культуре, знаешь язык и считаешь себя русским, то почему бы ни быть тебе русским?».*

Станислав О., как и Ольга выросший в Петербурге, все же склонен придавать больше значения зависимости этнической принадлежности детей от принадлежности родителей:

Вопрос (далее — В.): *Каковы основные признаки принадлежности человека к украинцам? Как Вы думаете, что из нижеприведенного списка имеет наибольшее и наименьшее значение для украинского самосознания?*

Ответ (далее — О.): *Происхождение и культура. Причем, происхождение отца, наверно, важнее, чем матери, хотя выделить это трудно. Если оба родителя украинцы, то человек, несомненно, украинец, даже если живет не на Украине. Религия не имеет значения. Место, где родился и вырос, имеет наименьшее значение.*

Для самого Станислава национальность его отца стала решающим моментом в его украинской идентичности. Кроме того, Станислав указывает, что очень большое влияние оказала на него украинская литература и общение со школьными товарищами, у которых русское и еврейское этническое самосознание были выражены очень ярко. В определении украинской идентичности Станислав также придает большое значение религиозной принадлежности:

В.: *Что из ниже перечисленных черт несовместимо с принадлежностью человека к украинскому народу? Почему?*

О.: *Во-первых, принадлежность человека к нехристианской религии в первую очередь несовместима с принадлежностью человека к украинскому народу. Потому что мусульманин, даже, если у него полностью украинское происхождение, он уже однозначно украинцем не будет. Ислам и украинская культура национальная, они*

абсолютно несовместимы. Здесь даже и речи никакой не может быть. Ну и буддизм. Это, прежде всего. Ну, я думаю, что и неукраинское происхождение обоих родителей. В случае если человек приехал еще, по месту проживания не имеет отношения, не на Украине рос. Ну, а если один из родителей неукраинец, мне кажется, это не столь принципиально. Человек может определяться в сторону любого из родителей.

Тамара Б. также думает, что для украинца было бы странным исповедовать ислам:

В.: Что из ниже перечисленных черт несовместимо с принадлежностью человека к украинскому народу? Почему?

О.: Ну, я не знаю. Ну, если быть мусульманином. Может быть только, если быть мусульманином. Если человек вдруг ударился в кришнаитство и буддизм, там, на определенном этапе своей жизни, я не думаю, что это его характеризует как неукраинца.

А чтобы причислить кого-либо к украинцам, важно, чтобы этот человек знал украинский язык, социализировался, хотя бы отчасти на Украине и знал украинскую культуру. Тамара также подчеркивает то влияние, которое оказала ее мать на Тамарину этническую идентичность:

«Безусловно, мама оказала огромное влияние, потому что она до сих пор, вот она скорее и остается в нашей семье единственной такой настоящей украинкой, которая, несмотря ни на что, всегда на стороне Украины, всегда считает, что то, что происходит на Украине, имеет место быть в том виде, в котором должно быть, что Россия должна Украину поддержать, что Украина должна развиваться своим путем. Ну, короче, любой выпад против Украины она воспринимает страшно болезненно. Даже были грандиозные скандалы в доме на эту тему. Пожалуй, единственный скандал, который может быть между моими родителями, это как раз тема достаточно скептического отца, который такой псковский русский, и мамы, которая тоскует по Родине, которая двадцать шесть лет прожила на Украине, лучшие годы своей жизни, у которой связывается все с семьей, с тем, что были живы родители, с тем, что она жила в доме, и что уж тут важнее, я не знаю. Но, безусловно, она человек, настроенный проукраинистически, это точно, или проукраински, как правильно сказать».

Лидия К., Наталия К. и Александра Ч. среди факторов влияющих на самосознание людей называют национальность родителей, место, где человек родился и вырос, родной язык. Александра Ч. называет также такой важный фактор, влияющий на этническую самоидентификацию, как престиж той или иной национальности:

«И я не знаю, с чем связано, я для себя довольно быстро выбрала свою национальность. Я решила, что я буду русская. Теперь мне это кажется смешно. Но, когда пришло время выбирать национальность в паспорт, я написала в анкете, что я русская. То есть я имела право выбрать или ту, или другую национальность. Я написала, что я русская. Почему-то мне казалось тогда это более престижно. Как-то, ну, нельзя сказать, вот я не помню каких-то особенных действий, чтобы настаивалось на том, что русские лучше, русские выше. Может быть, это какое-то неявное такое давление русскоязычной культуры, которое в юго-восточной Украине присутствует».

Описание этого же явления можно найти в книге Уотерс. Правда, она называет предпочтения такого рода ранжированием этнических групп. Уотерс сообща-

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

ет о ее информанте ирландско-шотландского происхождения, считавшем себя ирландцем, потому что быть шотландцем не очень престижно (13, с.83).

Анатолий Х. в формировании украинской этнической самоидентификации придает первостепенное значение воспитанию человека в украинской среде. Он полагает также, что человек неукраинского происхождения может переехать на Украину, изучить украинский язык и культуру и, по сути дела, стать украинцем. Правда, примеры, которые Анатолий Х. приводит, не позволяют делать столь однозначные выводы о самосознании тех, на кого он ссылается. В частности он говорил об известном на Украине стороннике Руха полковнике Мартиросяне. Но вряд ли сам Мартиросян считает себя украинцем. Вырос он не на Украине, и в его речи чувствуется сильный армянский акцент. Однако Юрий Ц. также полагает, что человек неукраинского происхождения может стать украинцем:

«Я знаю массу людей, которые приехали, там, откуда-нибудь из Волгограда, и они стали украинцами. Они там живут, носят русские фамилии, пишут русские стихи, но считают себя украинцами, тем не менее».

Еврейская группа. Для большинства информантов-евреев, как это будет показано ниже, при обсуждении вопроса о закономерностях этнической самоидентификации свойственно строить свои рассуждения вокруг таких тем, как этническая принадлежность родителей человека и конфессиональная принадлежность. Наряду с этим, информанты склонны и к обсуждению роли других факторов, связанных с еврейской этнической идентичностью.

Леонид З. полагает, что евреем может быть лишь человек, у которого хотя бы один из родителей еврей. У Леонида З. была русская жена, но их сын считает себя евреем. Матвей Д. считает себя евреем, поскольку его родители принадлежали к этому народу. Он склонен считать евреем любого человека, обладающего еврейским самосознанием:

О.: Я думаю, что если человек себя считает евреем, значит он еврей.

В.: Что из ниже перечисленных черт несовместимо с принадлежностью человека к еврейскому народу? Почему?

О.: Ну, последнее разумеется.

В.: Принадлежность к иудейской религии?

О.: Да. Это просто, хотя, согласно иудейской традиции, если человек уходит, там, в православие или в католичество, он все равно остается евреем. Он всегда может вернуться. То есть его, короче говоря, не изгоняют из еврейства.

В.: Каково Ваше отношение вот к этой традиции?

О.: Незнания?

В.: Да?

О.: Положительное. Потому что каждому человеку должно быть дано право на раскаяние, возможность раскаяния, возможность возвращения. Вообще, как Вы знаете, тема возвращения, она довольно сильна в еврейской традиции. Вот тшува и так далее. Я думаю, что как раз в этой области все лежит.*

Если Матвея вряд ли можно назвать человеком совершенно не верующим в религиозном смысле, то Сергей Б. — атеист. Однако его понимание еврейской идентичности очень близко к тому, о чем говорит Матвей, правда Сергей менее

*Одно из значений ивритского слова «тшува» - раскаяние, покаяние. Выражение «хазар битшува» переводится как «он вернулся к религии» или «он возвратился к вере отцов».

терпимо относится к смене евреями своей религиозной принадлежности:

В.: Каковы основные признаки принадлежности человека к евреям? Как Вы думаете, что из нижеприведенного списка имеет наибольшее и наименьшее значение для еврейского самосознания? Почему?

О.: Я бы сказал, самоопределение человека. Если он считает себя евреем, значит он еврей. Я знаю ребят, которые и по отцу, и по матери евреи, но они не считают себя евреями, не хотят считать. Так что, если ты чувствуешь, что ты еврей, ты им будь. А происхождение твое или язык, в Израиле есть масса неевреев, владеющих прекрасно языком.

В.: Что из ниже перечисленных черт несовместимо с принадлежностью человека к еврейскому народу? Почему?

О.: Вот из того, что перечислено, я считаю, религия. Если ты исповедуешь другую религию, ты не еврей.

В.: А вот чем это вызвано?

О.: Это закон иудаизма. С одной стороны, я не религиозный человек. Но, с другой стороны, мы должны определиться как-то, кто еврей, кто нееврей. Существует закон. Можно сказать, что, если ты по матери еврей, так ты еврей, а если по отцу, так ты нееврей. Это на здоровье, это каждый по-своему. Но если ты веришь в другого бога, то это уж совсем никуда не годиться. Лучше совсем не верить.

В.: А если совсем не веришь, все в порядке, да?

О.: А если совсем не веришь, все в порядке. Конечно.

Юрий Л., Ольга Г., Ольга Д. и Вера Ю. говорят о том, что для еврейской самоидентификации человека достаточно, если даже один из его родителей - еврей. При этом Юрий подчеркивают роль семейного воспитания для формирования этнической идентичности человека. По мнению Елены Г., на еврейское самосознание человека в наибольшей степени влияет уклад семьи, однако один или оба родителя должны быть евреями в данном случае, Елена не уточняет, в ее собственном случае важной оказалось еврейское происхождение обоих родителей. Большинство информантов-евреев в выборке при обсуждении вопроса об этнической принадлежности потомков от смешанных браков не придает значения полу еврейского родителя в подобном случае. Лишь Вера Ю. связывает еврейскую идентичность детей, родившихся от смешанных браков, с полом родителей, но ее ответ полностью противоречит еврейской религиозной традиции:

«...в России еврейское происхождение отца, наверное, важнее, потому что оно фамилию дает, ну, и человек как бы чувствует сразу свои отличия. Отчество. То есть если он хочет скрыть, у него мать еврейка, в России это легко сделать... Но когда еврей отец, мне кажется это, во всяком случае, которых я наблюдала, у которых еврей отец, они как-то более чувствительны, на мой взгляд. Ну, если оба родителя, то, безусловно, [человек принадлежит к евреям - Б. В.]».

Рассуждения Ольги Д. помогают понять, какие смыслы неверующие евреи придают своему происхождению от родителей-евреев, а также как они интерпретируют свои расхождения между собственным мировоззрением и еврейской религиозной традицией:

В.: Какой из таких факторов, как национальный язык, религия, национальные традиции, национальная принадлежность Ваших родителей и, возможно, что-либо еще, оказывает наиболее сильное влияние на то, что Вы считаете себя евреем ?

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

О.: История, наверно. История, коллективная этническая память.

В.: Чувствуете ли Вы различия между своей принадлежностью к евреям и Вашей религиозной принадлежностью, культурными ориентациями, гражданством, родным языком? Насколько важны для Вас эти расхождения?

О.: Да, конечно. Вот сейчас-то мне уже стало легче. Я существую в двух культурах. А ведь семь лет назад, когда я стала заниматься этим, я существовала в русской культуре. Раздвоенности не было. Я просто так добавляла, добавляла, добавляла. И сейчас мне очень хорошо. В обеих культурах вполне нормально. И приятно.

В.: Насколько важны для Вас вот эти вот расхождения между какими-то Вашими качествами и вот тем, что считается необходимым, вот, для того, чтобы быть евреем.

О.: Это, смотря, кто что считает. Я знаю, что круги религиозные твердо считают, что нужно делать то-то, то-то и то-то. Причем, разные религиозные круги считают по-разному. Это во-первых. Во-вторых, мне очень понравилось вот опять-таки высказывание нашего художника, с которым мы делаем все выставки. Он вполне благозвучно с советской точки зрения звучит: Владимир Петрович Е-ко [фамилия украинского происхождения - Б. В.]. И когда мы начали делать ту большую первую выставку, я была в ужасе, потому что я думала, что мне придется объяснять художнику, что такое евреи. Времени оставалось очень мало до сдачи. И он мне сказал так: «Никаких суббот и воскресений, работаем полную неделю». Говорю: «Хорошо. Только мы не скажем никому, что мы работаем в субботу». Он мне ехидно заметил: «Всевышний разрешил в субботу даже воевать». И тогда я сказала: «Обороняться». Он говорит: «Воевать в интересах сохранения народа. Так вот, мы с Вами работаем тоже в интересах сохранения народа». После чего я спросила, откуда он так хорошо знает Комментарий, на что он мне ответил, что дедушка его по материнской линии был раввином в Пинске, а сестра родная живет в Израиле. Вот очень правильно он сказал. Я сейчас все, что делаю здесь, все эти выставки, лекции, экскурсии, все, что я делаю, я на самом деле делаю в интересах сохранения народа. Мне совершенно безразлично, что про меня подумают круто религиозные ребята. И пусть они не считают меня еврейкой. Главное, что я себя считаю еврейкой и знаю, что на это работаю. Вот и все...

В.: Каковы основные признаки принадлежности человека к евреям? Как Вы думаете, что из нижеприведенного списка имеет наибольшее и наименьшее значение для еврейского самосознания? Почему?

О.: Тут не хватает одного. История. В данном случае «еврейское происхождение отца», «еврейское происхождение матери» зависят, эти приоритеты зависят от того, кто из родителей больше внимания уделял еврейской традиции. В том числе и педагогической. В том числе и «еврейское происхождение обоих родителей». Неважно. Я знаю, что меня еврейкой во многом сделал отец. Мама здесь ни при чем. Хотя, казалось бы, нас считают по матери.

В.: Что из ниже перечисленных черт несовместимо с принадлежностью человека к еврейскому народу? Почему?

О.: Я знаю человека, который крестился. И, тем не менее, когда я его об этом спросила с изумлением, потому что, он сказал: «Понимаешь, я принадлежу к русской культуре, причем к православной, - он искусствовед, - но я же поменял вероисповедание, а не национальность. Евреем-то я все равно останусь».

Елена Л. пытается соблюдать традиции иудаизма. Должно быть, поэтому она в качестве признаков еврейской идентичности человека, помимо указаний на еврейское происхождение его родителей и семейное воспитание, называет также культуру и религию. Вдобавок Елена вспоминает о существовании еще одного пути по направлению к еврейской идентичности:

«Я думаю, что если у человека ни отец, ни мать не евреи, то, как бы трудно его считать евреем. Единственно, если он принимает гиюр^{}, иудаизм и становится иудеем. Но иудеем, а не евреем по национальности».*

Ефим С. даже изложил свою собственную теорию о том, что такое гиюр и почему человека прошедшего этот обряд нельзя считать евреем:

«Смешная история. Вот сейчас у моей дочери гостит ее приятель из Израиля. Он журналист, с которым у меня недавно вышел довольно резкий спор, совершенно бессмысленный. Бессмысленный, потому что мы говорим на совершенно разных языках. Он мне заявил, что по еврейской традиции евреем может стать не только генетический, скажем, еврей. Вообще нет понятия такого «еврей». Евреем настоящим, в том смысле, который мы понимаем, может стать человек, не только генетический еврей, у которого мать-еврейка, по еврейской традиции, или, там, отец-еврей, но и любой, который прошел гиюр. На что я, с моей точки зрения, вполне резонно ему заявил: «Но гиюр — это нечто сходное с обрядом крещения». Следует ли из этого, что еврей, который крестился, немедленно становится русским. Да чушь собачья! Он становится, по вероисповеданию он становится православным. Поэтому тот, кто прошел гиюр, если он русский человек, русский, китаец, или все равно кто. Если он прошел гиюр, это просто означает, что он стал исповедовать иудейскую религию и больше ничего. Он не стал евреем. Когда мне говорят, что чернокожие евреи-эфиопы — это евреи, это бред сивой кобылы. Они не евреи. Они иудеи по религии. И больше ничего. Они чистые африканцы. Назвать их евреями — бессмысленно. Ну, как хазар, предположим. Что хазары — евреи, что ли? Бред сивой кобылы. Они исповедовали Бога этого, и традиции у них были, и религия абсолютна эта. Так что? Они евреи? Нет, они не евреи. Они хазары. Безусловно. И к евреям никакого отношения не имеют. Не о чем здесь спорить. С моей точки зрения, это абсолютная истина».

Аргументы Ефима С. в защиту его точки зрения автор оставляет без комментариев. А вот вопрос о том, становится ли человек, прошедший гиюр, евреем, заслуживает обсуждения. Согласно традициям ортодоксального иудаизма гиюру должен предшествовать длительный (не менее года) период изучения еврейских религиозных установлений. После прохождения обряда члены религиозной общины должны помогать геру (т.е. прозелиту в иудаизм) на протяжении всей его жизни правильно выполнять все иудейские традиции. Если выяснится, что гер относится к соблюдению традиций несерьезно, гиюр объявляется недействительным. Поскольку человек, который принял гиюр из каких-либо меркантильных соображений, вряд ли сможет строго следовать всем религиозным требованиям, члены общины довольно быстро избавятся от такого сотоварища. Следует также не забывать, что практически во всех иудейских ритуалах подчеркивается их связь с историей еврейского народа. Поэтому тот, кто искренне принял гиюр от ортодоксального раввина, фактически превращается в еврея. Автору приходилось встречаться с такими людьми, и, по крайней мере, по каким-либо внешним

* Гиюр - обряд, совершаемый при принятии иноверцем иудаизма.

Б. Е. ВИНЕР
*Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
 современного Санкт-Петербурга*

проявлениям поведения, их было практически невозможно отличить от других верующих евреев. Очевидно, гиюр затрагивает более глубокие психологические структуры, чем это происходит в большинстве случаев при крещении людей по обрядам православной, католической или лютеранской церкви.

Из высказываний информантов-евреев видно, что их мнения о том, можно ли считать евреем человека еврейского происхождения, перешедшего в другую конфессию, разделились. Бесспорно, вопрос о том, может ли такой человек сохранять еврейскую этническую идентичность, интересен и сам по себе. Примером такого информанта является Анна З.:

В.: Какой из таких факторов, как национальный язык, религия, национальные традиции, национальная принадлежность Ваших родителей и, возможно, что-либо еще, оказывает наиболее сильное влияние на то, что Вы считаете себя еврейкой?

О.: Я бы сказала, историческая ситуация. Память. Вот так, скорее.

В.: Чувствуете ли Вы различия между своей принадлежностью к евреям и Вашей религиозной принадлежностью, культурными ориентациями, гражданством, родным языком. Насколько важны для Вас эти расхождения?

О.: Да, конечно. У меня это как бы, в общем, серьезно. А вот как-то неважны. Был момент, когда все мои еврейские друзья от меня отвернулись. Таких моментов в моей жизни бывало много. По разным причинам. И вот мамы родители были очень огорчены моим крещением. Потом как-то все смирились. Пришли к взаимному соглашению, что она чокнутая. И все. На этом все успокоились. А как бы внутри себя я, в общем, этого разлада не чувствую. Для меня это не противоречие...

В.: Каковы основные признаки принадлежности человека к евреям? Как Вы думаете, что из нижеприведенного списка имеет наибольшее и наименьшее значение для еврейского самосознания? Почему?

О.: Я думаю, что наибольшее значение имеют три вещи. Это культура, место, где родился и вырос, и еврейское происхождение обоих родителей. Ну, и религиозная принадлежность, в принципе, да. А вот отдельно еврейское происхождение отца и матери для меня как бы неважны. И знание еврейского языка в нашей ситуации тоже.

В.: Что из ниже перечисленных черт несовместимо с принадлежностью человека к еврейскому народу? Почему?

О.: Вот, нееврейское происхождение обоих родителей, оно имеет? То есть они оба неевреи вообще. Значит, и никаких евреев в роду не было. Я бы сказала, несовместимо. То есть можно пройти гиюр. То есть, наверно, вот этот фактор: нееврейское происхождение обоих родителей.

Кстати историю народа, «коллективную этническую память» в качестве главного фактора, повлиявшего на ее этническую идентичность помимо Анны, назвала Ольга Д.

Еврейско-русская группа. Суждения информантов из этой группы во многом похожи на те, которые высказывали информанты «чисто» еврейского происхождения. Почти все информанты в качестве важнейшего условия еврейского самосознания называют еврейское происхождение родителей, при этом Александра В., Елена А. и Марк М. подчеркивают, что мать человека в таком случае должна быть еврейкой. Наталия Р., у которой мать как раз еврейка, в большей степени

склонна к пересмотру религиозного подхода к вопросу о том, кого считать евреем:

«Мы уже не виноваты, кто на ком женился из наших предков... Мне кажется, что имеет еврейское происхождение, я бы сказала, и отца и матери. Я знаю, что по традиции идет по материнской линии. Но как бы по справедливости, я думаю, что отец такое же влияние оказывает, как и мать. То есть или матери, или отца, обоих родителей, да».

Среди других важных факторов, определяющих еврейскую самоидентификацию человека, информанты называют знание одного из еврейских языков и еврейской культуры, исповедание иудаизма. Некоторые из информантов говорят о важности места первичной социализации. Евгений К. и Любовь Ф. высказались за полную свободу людей в выборе своей этнической принадлежности. По их мнению, если человек считает себя евреем, то он еврей, независимо от других качеств. Даже если исповедует буддизм, как считает Евгений. Любовь Ф. помогла мне взять интервью у своей подруги, Анны З., которая, будучи по происхождению еврейкой, приняла православие. Люба считает ее еврейкой.

Анатолий В. так обосновывает свой отказ связывать чью-либо еврейскую этническую принадлежность с исповеданием иудаизма:

«...понимаете, это я считаю, это уже дело каждого человека. Его право какую-то религию, хоть буддизм, хоть мусульманство, хоть... Это его личное дело. Поэтому я не могу сказать, что, если еврей, он, допустим, мусульманин, по вере, или он христианин, или он, кто там, католик, ну не знаю, кто он там может быть. Понимаете, это его личное дело. Еврей, он, знаете, как говорят, бьют не по паспорту, а по носу. Так говорят. Если по внешности еврей - он еврей».

В качестве свойств необходимых для того, чтобы считать человека русским лишь Александра В. указала на русское происхождение обоих родителей или хотя бы матери человека. Евгений К. также указал на русское происхождение человека, как самый важный индикатор русской этнической идентичности. Однако он тут же привел пример, противоречащий данному критерию:

В.: Каковы основные признаки принадлежности человека к русскому народу?

О.: Да это интересный очень вопрос. Ну, во-первых, тоже, я думаю, происхождение родителей, прежде всего. Если родился русским — значит русский. Вместе с тем, как-то так получается, что, понимаете, есть, допустим, у меня знакомая была чистая немка. Абсолютно незнающая немецкого, не интересующаяся всеми делами немецкими. Совершенно русский человек. Но только немка по крови. Так вот, получается, что не всегда происхождение родителей. Для России немножко другая ситуация. Хотя все равно я думаю, что происхождение родителей важно.

В.: А есть какие-то вещи, которые в любом случае делают человека не русским? Какой-то признак. И вот, если человек им обладает, то русским он ну никак уж не может быть.

О.: Я затрудняюсь ответить на этот вопрос.

Александр Б., Марк М., Наталия Р. в качестве важнейшего фактора русской идентичности называют русский язык. Наталия поясняет свою мысль:

«Нерусское происхождение кого бы то ни было я бы даже не поставила. Потому что вспомни Д. М. [наша общая знакомая — Б. В.], которая была наполовину чеченкой, наполовину украинкой, но была искренне русским человеком... Она сама себя считала, и воинствующим как бы, причем, можно сказать, что русским

БЕ ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

националистом... Она себя считает русским человеком и имеет на это полное право, потому что она здесь живет, у нее русский язык и так далее.

Что касается эмигрантов в третьем поколении, если он этнический русский, но забыл русский язык, я думаю, что нельзя его считать, потому что он сам, наверняка, себя считает американцем, если он родился в Америке, его родной язык английский».

Относительно признаков, обладание которыми не позволяют считать человека русским, то, согласно Александру Б.: «Незнания русского языка, я думаю, было бы вполне достаточно для этого». Марк М. думает, что человек, незнающий русского языка, сам вряд ли будет считать себя русским. Для Александры В. русская этническая идентичность, помимо происхождения от русских родителей и знания русского языка, требует еще и принадлежности к православию, но не к другому вероисповеданию. Католик или баптист, согласно ее мнению, не могут считаться русскими.

Как видно из попыток информантов объяснить свои критерии отнесения людей к той или иной этнической общности, изображенная здесь картина характеризуется заметной пестротой. Поэтому целесообразно показать каким образом перечисленные информантами критерии этнической принадлежности соотносятся с реальными жизненными ситуациями. Этому посвящено несколько последующих параграфов статьи. При их написании автор посчитал целесообразным наряду с названными информантами факторами, оказывающими воздействие на формирование этнической идентичности (этническое происхождение родителей, родной язык, вероисповедание и др.), добавить школьные годы информантов, художественную литературу, предубеждения и дискриминацию со стороны членов других этнических групп.

4. Этническая самоидентификация информантов и их этническое происхождение

Прежде всего, следует напомнить, что под этнической самоидентификацией понимается отнесение информантом себя к той или иной этнической общности. Под этническим происхождением понимается идентификация информантом своих родителей и других предков с определенной этнической общностью.

Украинская группа. В эту группу объединены информанты, оба родителя которых отнесены самими информантами к украинцам. Обычно такие информанты тоже считают себя украинцами и именно так отвечают на вопрос: «К какому народу (национальности) вы себя относите?» Лишь Георгий Николаевич С. сначала сказал, что он русский, но тут же сразу сам уточнил: «Вернее, сам по национальности украинец, а родной язык — русский». Последующая беседа показала, что оговорка Георгия Николаевича была не случайной, а была одним из проявлений раздвоенности его этнической самоидентификации.

Игорь С, Александр С, Татьяна К. и Юлия У. полагают, что среди тех их предков, о которых им было что-либо известно, были лишь украинцы. Русским себя назвал родившийся в Алтайском крае Алексей К. Однако, в этом случае такое определение себя в этническом плане вызвано особенностями происхожде-

ния его семьи. Алексей знает, что среди его предков были украинцы, поляки и немцы. Беседа с Алексеем показывает, что его родители были украиноязычными и православными. Их предки происходили из Крыма и Полтавской губернии, где до революции среди украинцев был распространен этноним «руські», а собственно русских (великороссов) называли «москалями». Позже у предков Алексея произошло слияние самоназвания «руські» с названием страны «Россия». При этом надо иметь в виду, что деревня, в которой они проживали, была населена людьми украинского и немецкого происхождения. Здесь обитала лишь одна собственно русская (великорусская) семья. Поэтому не было необходимости в каких-либо терминах, противопоставляющих людей русского и украинского этнического происхождения.

Украинско-русская группа. В данной группе простор для выбора самоидентификаций, разумеется, шире, чем в предыдущей. Однозначно русскими себя считают Александр И. (его отец — русский, мать — украинка), Ольга Н. (отец — русский, хотя среди его далеких предков были шведы, мать — украинка), Татьяна Г. (отец — русский, мать — украинка), а также Наталия К. (у нее мать — русская, отец — украинец, а мать отца — поляка). Однозначно к украинцам относят себя Станислав О. (отец — украинец, мать — русская) и Юрий Ц. Однако этническое происхождение Юрия Ц. отличается тем, что на протяжении многих поколений его предки вступали в смешанные браки. Своих родителей Юрий считает украинцами. Его бабушка по отцу — поляка. У матери родители были русскими. Мать имеет предков из русской аристократии, которые переселились на Украину в елизаветинские времена. Здесь они вступали в браки с представителями украинской шляхты. Среди предков Юрия был также граф немецкого происхождения.

Этническая самоидентификация других информантов смешанного украинско-русского происхождения не столь однозначна. Анатолий Х. отмечает: *«У меня в паспорте, в старом советском паспорте была записана национальность «русский», поскольку отец — русский. Но я воспитывался на Украине и был в этой среде, учился в украинской школе. Ну, в общем-то, по самосознанию украинская культура мне ближе»*. У Тамары Б. отец — русский, а мать — украинка. На протяжении всей своей жизни Тамара регулярно навещает родственников в Киеве. Она говорит: *«Когда я на Украине, я считаю себя русской. Когда я в России, я считаю себя украинкой»*.

Лидия К., когда ее спрашивают о национальности, может назвать себя и украинкой, и русской, и космополиткой в зависимости от обстоятельств и настроения: *«Согласно паспорту, я украинка... Сама себя еще в школе записала, в младших классах. Все русские, а я, понимаешь, вот, нерусская»*. Отец у Лидии — украинец, но среди его предков были также русские, а мать — русская, однако о себе иногда говорила: *«Мы, — говорит, — кыргызы»*. Ее родители были переселенцы из Павлодарской области Казахстана в конце двадцатых годов.

Все они были православными. Вероятно, предки матери Лидии по материнской линии происходили из какой-то сильно обрусевшей южно-сибирской этнической группы, родственной хакасам, на что указывают этноним «кыргыз» и православная конфессиональная принадлежность.

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

У Александры Ч. этническое самосознание также в значительной степени размыто:

«Это очень странно. Знаете, я иногда размышляю: «Какой я национальности?» Я не знаю, какой я национальности. То есть я человек. Честно говоря, я всегда с напряжением отношусь к выпячиванию национальности. Этот вопрос тяжёлый и неосмысленный. Возможно, это важно для развития культурного. Но так получилось, что и родилась я в такой среде, где была какая-то, я не хочу сказать «субкультура», потому что мало было там культуры, но это было что-то среднее такое, соединение разных способов жить, выживать. Это все-таки не назовешь культурой. А жизнь в большом городе, она тоже очень специальная, когда все перемешано, и у меня, в общем-то, нет здесь связей национальных...».

Мать Александры — украинка из Черниговской области. Отец — русский из Макеевки, но его мать — украинка из Полтавской области. По паспорту Александра русская. Уже после окончания интервью она сказала, что относит себя к какой-то русско-украинской общности.

Еврейская группа. Люди «чисто» еврейского происхождения в подавляющем большинстве считают себя евреями. Таковыми в выборке оказались Сергей Б., Ольга Д., Ольга Г., Леонид З., Анна З., Матвей Д., Елена Л., Елена Г. Все их известные им предки были евреями. На этом общем фоне выделяются Вера Ю. и Юрий Л. На вопрос о ее этнической принадлежности Вера ответила так:

О.: Формально еврейка.

В.: А неформально?

О.: А неформально, ну, трудно сказать. Проявляется и то, и то. Но, безусловно, не только еврейка.

Юрий еще в большей степени дистанцируется от еврейского этноса:
«Не знаю. То есть я могу сказать. «Не знаю» — это слишком простой ответ. А опять же вот эта самая ситуация, когда я, так как я этим занимаюсь, то я, наверное, не идеальный объект для изучения. На самом деле, знаю. «Не знаю» — не совсем честный ответ... Если хотите, последняя ступень ассимиляции».

Еврейско-русская группа. Для людей еврейско-русского происхождения не характерно такое почти полное отождествление с одной этнической группой, как в предыдущем случае. Здесь различия между информантами по их самоидентификации весьма заметны. Александра В., у которой отец — еврей, а мать русская, считает себя русской. На вопрос о своей этнической принадлежности она ответила так:

«Видимо, я просто послушала папу. Папа сказал, чтобы я была русской. Я сказала: «Почему?» Он сказал: «Легче жить». Всё. Видимо, он что-то сам. Но у нас в семье об этом не говорилось. А я не допытывалась».

Вообще, Александру не очень волнуют вопросы, связанные с ее этничностью. Они имеют гораздо большее значение для Александра Б., у которого тоже отец — еврей, а мать русская.

Ряд информантов более склонен связывать себя с евреями, чем с русскими. Наталия Р., происходящая от русского отца и матери-еврейки, отвечая на вопрос о своей этнической принадлежности, выразилась замысловато: *«Это сложный вопрос. Лично я, я себя как бы чувствую еврейкой, хотя это еще не значит, что*

МИР РОССИИ. 1999. N1-2

это так на самом деле».

Евгений К., тоже идентифицируясь в основном с еврейским этносом, делает это в менее твердой форме, чем информанты, у которых оба родителя — евреи:

О.: Я полукровка. У меня папа — еврей, мама — русская. Для евреев я русский, для русских я еврей.

В.: А для Вас?

О.: А для себя? Ой! Да. Это вопрос, конечно, тонкий. Я вырос в еврейской семье, семье отца. И сейчас я как бы погружен в еврейскую жизнь. Хотя, черт возьми, русское во мне, конечно, тоже есть. Никуда от этого не денешься. Нет. Все-таки я себя отношу к евреям, пожалуй. Я вообще хочу уезжать в Израиль.

Интересно, что такое определение как «полукровка», или «половинка», весьма распространено среди людей еврейско-русского происхождения. Видимо, его удобно использовать, когда невозможно однозначно причислить человека к еврейскому или русскому этносам. В таком «промежуточном положении» оказались Анатолий В. (его мать еврейка, а отец - русский), Елена А. (мать - еврейка, отец — русский), Марк М. (отец — русский, мать — еврейка) и Любовь Ф. (дедушки и по отцу, и по матери — евреи, а бабушки — русские). Елена А. описала эту ситуацию так:

«Мне очень трудно на этот вопрос ответить, поскольку я как бы русская по отцу и еврейка по матери. Соответственно, меня русские могут считать своей, а евреи своей. Насколько я понимаю, они по-разному считают национальность. А я как-то себя чувствую то еврейкой, то русской, в зависимости от ситуации».

Примерно так же описывает свои отношения с обеими этническими группами Анатолий В. Любовь Ф. вообще никак не идентифицирует себя в этническом отношении. А Марк М. иногда считает себя русским, иногда евреем, а иногда вообще не относит себя к какому-либо этносу.

5. Родной язык и знание языка предков

Родной язык людей современные общественные науки считают важнейшим этническим определителем. В то же время, этнические меньшинства часто пребывают в условиях, когда знание языка предков представляет наибольшую ценность уже не в качестве средства коммуникации, а как символ принадлежности к этнической группе, как составляющая этнической идентичности.

Украинская группа. Украинский язык называли своим родным Александр С. и Юлия У. Причем Александр владеет и литературным языком, и лемковским диалектом. Юлия говорит лишь на бойковском диалекте. Интересно, что члены ее семьи, проживающие в Петербурге, между собой говорят по-украински. Игорь С. научился читать и немного говорить по-украински, посещая родственников в Винницкой области. У родителей всех этих информантов украинский язык является родным.

Татьяна Н. до пяти с половиной лет жила в Умани в семье родителей ее матери. Бабушка и дедушка говорили между собой по-русски, хотя Татьяна Н. полагает, что в их речи было много украинизмов. Когда она переехала к родителям в Ленинград и пошла в детский сад, другие дети смеялись над ней из-за того,

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

что она иногда употребляла странные для них слова. Украинского языка Татьяна Н. не знает, хотя в детстве читала на этом языке какие-то произведения Шевченко.

Григорий С. с первого по седьмой класс учился в школе с преподаванием на украинском языке. Потом школу перевели на русский язык преподавания. Была возможность перейти в украинскую школу, но она была дальше от дома, чем русская. Каких-то сложностей смена языка преподавания у учеников не вызвала, поскольку к этому времени они уже хорошо владели обоими языками.

Любопытная ситуация сложилась в родной деревне Алексея К. Жители между собой разговаривали на смеси украинского и немецкого языков. Местная школа официально русская. Но, так как дети не понимали литературного русского языка, многие уроки велись на местном диалекте. Алексей считает, что хорошо говорить по-русски он научился, уже покинув родительский дом.

Украинско-русская группа. Доля знающих украинский язык в украинско-русской группе также довольно высока. Для Анатолия Х. этот язык является родным, несмотря на то, что его родной отец — русский. Но отец рано ушел из семьи, а во втором браке мать вышла замуж за украинца. Анатолий Х. окончил украинскую школу. У Юрия Ц. и Александры Ч. родной язык русский, а украинский язык и литературу они изучали в русской школе в качестве самостоятельных предметов. Александра так описывает лингвистическую ситуацию у себя на родине в Донбассе:

«...Несмотря на то, что там разговаривали на суржике, как Сережа [муж Александры] говорит, хотя я думала, что там говорят по-русски. Приехав сюда, я увидела, что там есть такая специфика своя. Но украинский язык звучал все время по радио. Передачи были смешанные: русские и украинские. На телевидении. Книжки и вообще печатная продукция продавалась на двух языках. И в школе я учила и русский, и украинский со второго класса до десятого почти. Поэтому. Потом мама была украинка. Поэтому, когда я ездила к бабушке [в Черниговскую область. — Б. В.], ее отцу, то там я слышала местный украинский, то там я просто переходила на украинский через какое-то время».

Наталья К. училась в русской школе в Молдавии и учила там молдавский язык. Когда ей было 15 лет, семья переехала в Крым. Здесь в русских школах преподавался также и украинский язык. Но от его изучения Наталью по установившейся практике освободили, так как она перевелась в местную школу из-за пределов Украины. Тем не менее, Наталья знает разговорный украинский язык благодаря тому, что летом часто ездила на родину отца в Подолию.

Благодаря посещениям родственников на Украине, понимает по-украински Александр И. Лидия К. владеет украинским языком также благодаря поездкам на Украину. Ей даже довелось учиться в украинской школе полгода. Тамара Б., посещая родственников в Киеве, научилась понимать по-украински. Дома в Петербурге были украинские книги. Позже, профессионально изучая Украину и бывая там в экспедициях и командировках, Тамара значительно улучшила свой разговорный украинский язык.

Станислав О. начал изучать украинский язык самостоятельно с 18-19 лет. В настоящее время, по мнению знакомых с ним членов украинских организаций в Петербурге, он довольно неплохо говорит на этом языке. Не знают украинского языка Татьяна Г. и Ольга Н.

Еврейская группа. Почти для всех еврейских информантов родным языком является русский. Лишь Леонид З. не попадает в эту категорию. Дело в том, что в его родном городе в Житомирской области проживали в основном евреи и украинцы. Поэтому до школы он уже говорил по-украински и на идиш. В школе преподавание велось на русском языке. Украинский язык и литература преподавались как самостоятельные предметы.

В семьях информантов говорили в основном по-русски. Хотя есть и исключения. В детстве в семье Ольги Д. жили обе ее бабушки. В результате она в прошлом немного понимала идиш. На идиш также говорили бабушка и дедушка Юрия Л.

Некоторые информанты уже взрослыми начали изучать иврит. Вера Ю., у которой иврит преподавал отец, оставила это занятие через непродолжительный срок. Ольга Д. и Матвей Д. изучают этот язык в Петербургском еврейском университете. А Сергей Б. сделал преподавание иврита своей новой профессией.

Еврейско-русская группа. В этой группе русский язык родной для всех информантов. У большинства из них родители идиша не знали. Лишь отец Александры В. в детстве говорил на этом языке. Но, покинув семью в пятнадцатилетнем возрасте, он уже не имел языковой практики и почти забыл этот язык. Ивритом в этой группе владеет лишь Евгений К. Важно заметить, что изучение иврита для членов этой группы было бы не таким уж сложным занятием, поскольку многие из них хорошо владеют иностранными языками. Так Александр Б. знает английский, Марк М. — французский, Наталия Р. — испанский и английский, а Любовь Ф. — английский, французский и немецкий. Следовательно, у них нет серьезного желания изучать иврит.

6. Этническая социализация и школьные годы информантов

Беседы с информантами показывают, что важнейшими агентами этнической социализации могут выступать школа, художественная литература и семья.

Украинская группа. Школьное образование на Украине в годы советской власти в значительной мере способствовало формированию украинофильских настроений среди населения республики. Часть школьников получала образование на украинском языке. Другие учились в школах с русским языком преподавания большинства предметов или с преподаванием на других языках, но последняя категория была сравнительно малочисленной. В русских школах украинский язык преподавался со второго класса.

Вскоре к украинскому языку добавлялась украинская литература. В курсе изучения литературы рассматривались многие произведения, призывающие к свободному развитию украинцев как народа. Наибольшее значение, несомненно, имели работы сторонника равноправной федерации славянских народов Т. Г. Шевченко, казацкие думы, воспевающие волю и борьбу с врагами. При этом огромную воспитательную работу проделывали учителя украинского языка и литературы. Помимо обучения языку детей, многие из которых до школы с ним практически не сталкивались, они еще и формировали отношение к различным историческим событиям, действиям реальных личностей и вымышленных персонажей. Причем делалось это без отступления от официальных идеологических доктрин,

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

так что собственно украинская этническая проблематика воспринималась учениками как не противоречащая существующему советскому контексту.

Автор, выросший на Украине, хорошо помнит свои собственные впечатления от изучения этих произведений. Хотя, может быть, на него они воздействовали иначе, чем его школьных друзей-украинцев, для которых многие мысли, высказанные в этих произведениях, были знакомы, благодаря общению со своими родственниками, пению украинских народных песен и т.д. В таком случае становится понятным, почему многие из моих информантов, которые окончили школу на Украине, сказали, что школьные годы не оказали никакого влияния на формирование их этнического самосознания. Анатолий С. на вопрос «Говорили ли Ваши школьные учителя с Вами о проблемах украинского народа?» ответил так:

«Я думаю, что нет. Никогда. Говорили товарищи между собой в курилках. Когда мы уже начинали курить, там, покуривать, это такое возникло в конце школы. Возникла совершенно необычная ситуация. Мы поняли, что разбежимся... Мы поняли, что нужны друг другу. Вот в этих курилках возникали разговоры о том, что «сидят», о том, что «сидели», и о том, что сделали и так дальше. Таких людей было, может быть, два-три-четыре. В основном это были те, родители которых пострадали или, ну, что-то другое».

Конечно, такая политизированность существовала лишь на Западной Украине. Что касается тех информантов, которые окончили школу не на Украине, то, конечно, прямое влияние школы на формирование их этнической идентичности было весьма слабым. Хотя в последние советские годы ряд проблем, связанных с этнонациональной проблематикой, уже начал подниматься. Это отмечает Юлия У., которая получила свое образование в Ленинграде/Петербурге:

В.: Говорили ли Ваши школьные учителя с Вами о проблемах украинского народа?

О.: Вы знаете, нет.

В.: А скажем, проблемы русского народа?

О.: Вот эти проблемы, конечно, поднимались на уроках истории. Но в основном это связано тоже с более поздним таким периодом: история в восьмом классе и педагогическое училище. И тогда, вот, естественно, говорили о том, как русским плохо живется на Украине, там, и в других республиках, что их там стесняют и не дают возможности учиться в русских школах. Я с этим была мысленно все время не согласна, потому что, когда я приезжаю на Украину, я вижу, что люди во Львове разговаривают на русском языке. Никто там никаких не замечаний не делает, никаких таких отношений с ними плохих я не видела. И когда к нам в деревню приезжают девочки к своим бабушкам где-то с севера, ну может быть, с востока. Они разговаривают на русском языке. Их молодежь нормально воспринимает. Ну, как? Может быть, есть такое, ну как посмеиваются слегка. Но никто это чересчур остро не воспринимает.

Украинско-русская группа. На Украине школу закончили Анатолий Х. и Александр Ч. Анатолий Х. учился в украинской школе:

«Вот, если оценивать роль школы, я вспоминаю преподавателей, да. Украинская мова и литература. Человек был достаточно в тех условиях, если вот оценивать, достаточно была ориентирована на культуру украинскую. И не формально, а некоторые фибры души этому отдавала. И это, в общем, передалось».

С другой стороны, официально там было всё, пионерское, все эти вещи, конечно, на русском. Тогда вот люди в космос полетели. Так вот, конечно, официоз был исключительно на русском даже в украинской школе. И даже, вот, взгляд в прошлое, чуть ли не как факультатив украинский язык был. Несмотря на то, что это украинская школа. Было определенное насилие, но, тем не менее, вот были конкретные люди-носители языка, которые и в силу своей профессии, и в силу своей души отработывали свое не формально, а очень к этому относились трепетно. Это, вероятно, передалось».

Александра Ч. и Юрий Ц. получили школьное образование на русском языке, а украинский язык и литературу изучали в качестве самостоятельных предметов. Татьяна Г., Ольга О., Наталия К., Тамара Б., Лидия К., которые учились не на Украине, полагают, что обучение в школе не оказало никакого влияния на формирование их этнического самосознания. Того же мнения с одной небольшой оговоркой придерживается и Александр И.:

В.: Какова роль школы в формировании Вашего этнического самосознания?

О.: Даже не знаю. Наверно, роль школы все-таки не особенно заметна. Ничего плохого мне по отношению к другим нациям там не внушали. Ну, мелькали там всякие какие-то анекдоты, там, вопросы насчет, вот, евреев. Но мне это всегда было непонятно: почему евреев не любят? Ну, а насчет украинцев? Не знаю. Также там где-нибудь, может быть, анекдоты какие-нибудь и мелькали. Так, особых вопросов никаких не стояло.

Чрезвычайно интересен рассказ Станислава О., окончившего школу в Петербурге:

«У нас учительница литературы в школе была одесситка. Она сама еврейка была по национальности, но она достаточно хорошо знала украинский язык. И в принципе, когда [неразборчиво] преподавался Шевченко, она с удовольствием его читала нам в оригинале, и чувствуется, что с большой такой любовью относилась. Ну, иногда она еще нам книжки на украинском языке пару раз читала».

Кроме влияния со стороны своей учительницы, Станислав также вспоминает обсуждение этнических проблем со своими школьными друзьями, один из которых «был таким как бы ярким сионистом, еврейским», а второй — «русским патриотом». Такой процесс формирования этнической идентичности в процессе взаимодействия с представителями других этносов можно сравнить с «заражением» этнонациональными идеями от других людей.

Еврейская группа. Леонид З., и Елена Л. считают, что школа не повлияла на формирование их этнического самосознания. Другие информанты вспоминают об отдельных неприятных случаях или даже каких-то устойчивых моделях поведения окружающих, оказавших на них влияния.

Ефим С. окончил школу в Одессе во второй половине 50-х годов. Он вспоминает, что иногда случались проблемы во взаимоотношениях с одноклассниками:

В.: А вот со стороны Ваших товарищей в классе какие-то проявления [негативного отношения к евреям - Б. В.]?

О.: Бывали, бывали. Не могу сказать, чтобы часто. Но бывали. Но это, как Вам сказать, ведь еврейских детей было довольно много даже в том классе, где я учился в той школе. И воленс-ноленс приходилось сосуществовать даже с совершенно явными антисемитами. Причем самое смешное, что в этом возрасте люди

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

еще не бывают осознанными антисемитами. Они просто-напросто обезьянничают. То, что там, в семье говорят. Но глубокой ненависти, ее не было. И то ли чувствовалось это, то ли что. Поэтому никогда таких конфликтов не возникало, то есть на национальной почве, на этнической почве никогда не было такого. Вот я смотрю там, что делается в Соединенных Штатах, сейчас много фильмов показывают, вот эти самые черные негры и латиноамериканцы. Там же просто-напросто улица улице, район на район бьются. Причем бьются там до смерти. У нас такого не было. Не было вот этих группировок, организованных по национальному признаку. Нет. Такого не было никогда».

Как видно из этого фрагмента, Ефим С. считает серьезными конфликтными проявлениями лишь случаи, заканчивающиеся смертельным исходом или массовыми драками. Другие информанты болезненно реагировали и на менее серьезные проявления этнических предубеждений и оскорблений. Вера Ю. вспоминает, что во время ее учебы в школе в 80-е годы, иногда бывали неприятные ситуации, но очень редко. Юрий Л. помнит, что за все время его учебы в школе был лишь один такой случай:

О.: За все время мне об этом напомнил только один мой одноклассник. Которого я как раз (мы сидели вместе; нас посадили, и я ему помогал), но параллельно, как это бывает у школьников, мог отобрать у него тапок... Вот я его совсем довел своими шуточками. Он мне что-то на эту тему сказал. Помню, что это был шок в классе... Шок, что вообще об этом сказали.

В.: И что после этого последовало?

О.: Ничего. Больше ни одного случая за все время моей учебы в школе не было.

В.: А в каком это примерно классе?

О.: Ну наверно, в классе шестом-седьмом... Эти вопросы в школе не были актуальны.

У Матвея Д. воспоминания о его пребывании в школе более печальны:

О.: Вы знаете, меня просто били и обижали очень в школе. Именно вот в эти пятидесятые годы. Поэтому роль школы, ну, она просто меня сформировала за счет вот такого негативного отношения ко мне совсем маленькому ученику первого, второго или третьего класса...

В.: Говорили ли Ваши школьные учителя о проблемах еврейского народа?

О.: Нет, не говорили. Единственно, в школьных журналах имелась на последней странице запись, где подробно указывалось имя, фамилия и отчество ученика, и его национальность. И особо любопытные даже соученики иногда, так сказать, открывали журнал на этой странице и зачитывали громко вслух, кто есть кто.

Сходные воспоминания остались у Ольги Д.:

О.: В десять лет все в классе прочитали в журнале, что я еврейка и набили мне морду... Папа даже ходил по этому поводу к директору.

В.: И какова была реакция?

О.: Я не знаю, какова была реакция директора. Это в какой-то момент прекратилось. А потом тот мальчишка, который в третьем классе бил мне морду, в седьмом мы стали очень хорошими друзьями. Это было не злостное, а вот именно такое, ну, возможность чем-то уличить другого ребенка и самоутвердиться. Не более того. Это не было. И дальше до конца школы я этого не ощущала.

Сергей Б.: «Начиная с детского сада, меня пытались бить за то, что я еврей. Это продолжалось и в школе. Мне приходилось драться именно потому, что я еврей».

Еврейско-русская группа. Анатолий В., Александр Б., Евгений К. и Александра В. считают, что школа не оказала влияния на формирование их этнического самосознания. Елена А. вспоминает такой случай:

О.: ... это в восьмидесятые годы. Какая-то девочка, там, другого мальчика обозвала евреем. Справедливо, прямо скажем. Он действительно был евреем. Она просто констатировала факт, но она сделала это с целью оскорбления. Он так это и воспринял, типа дал ей по уху. Учительница сие заметила, возмутилась. Он объяснил, в чем дело. Учительница возмутилась еще больше. И очень долго и очень возмущенно [неразборчиво] девочку отчитывала. Очень хорошая учительница была. Она очень долго объясняла, что хорошо, что плохо и так далее.

В.: Это, примерно, в каком классе?

О.: Это было в классе четвертом.

Очень подробно описывает свои детски впечатления Любовь К.:

«... в первом классе я пришла домой, - как рассказывает моя мама, я этого не помню просто начисто, ну, она пересказывает это, я ни в коей мере ей не верю, — значит, что я пришла домой в первом классе, там, полгода где-то прошло, ну и спрашивает про каких-то детей, которые со мной учатся, ну, там: «Кто с тобой учится, как его зовут? с кем ты дружишь?» Я, значит, выдаю такую фразу, что еще у нас есть мальчик Сеня К., я с ним не дружу, потому что он еврей. Тут моя мама выпала в осадок, естественно. Что делать? Ребенок что-то несет, так вообще нельзя. А с другой стороны до родителей дошло, что они никогда в жизни мне этого не объясняли. А я из школы принесла, какие-то дети там что-то сказали. Естественно, дети все запоминают как магнитофон, и они все учат. И после этого мне там че-то такое объяснили, и, так сказать, не возникало. Я этого не помню начисто, если честно. Это как пример, что бывает с детьми, если с ними об этом не беседовать. Минимально хотя бы по этому поводу. А я себя совершенно не ощущала никакой национальной принадлежности, пока в седьмом классе со мной не случилась следующая история. Она очень показательна. У нас вообще всякие разные дети. Ну, в основном здесь кооперативные дома каких-то НИИ, ну, в общем, более или менее интеллигентные семьи, ну и, конечно, там попадаются строительное общежитие, тут какие-то дворники и еще чего-то. И трудно сказать, кто кого нашел. Я ничего не имею против дворников. Ну, она что-то какая-то была тупая. Ну не потому, что она дворницкая дочь, а вообще какая-то тупая девушка абсолютно. И в тринадцать лет все же вредные. Все чего-то хихикали над ней. Видно, где-то я неправильно хихикнула, и она присылает мне записку: что-то такое, там жидовка, что-то такое. Ну и тут я, не будь дура, решила, что вообще связываться с ней не буду, ну ее нафиг. Если она такая умная, то почему я, собственно должна играть в эти игры.

Но моя соседка по парте посмотрела в эту записку через плечо у меня и сказала, так оставлять это дело нельзя. Это неправильно. Так оставлять это дело нельзя. Хотя я ее умоляла вообще ничего не делать, никого не трогать. И мои подружки школьные собрались и пошли к нашей классной руководительнице и сказали, что вот такое дело и так оставлять нельзя. Надо сказать, что антисемитизма у нас в школе не было никогда. То есть у нас были какие-то учителя, про которых я потом уже узнавала, что они что-то такое говорили, но среди детей не было. Только на уровне первого класса какие-то там дела. Но самых разных этни-

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

ческих групп дети у нас учились, всякие. Были и восточные, и намешанные, и еще какие-то, и по всякому, и еврейские дети, и украинские. Абсолютно даже не было вообще никакого разговора об этом. И там ну как бы все вообще рухнуло, когда вот такой случай случился. И мои подружки, которым нам всем было по тринадцать по четырнадцать лет, они пошли к классной руководительнице и рассказали, записку показали, потому что они ее у меня буквально силой отобрали.

Наша классная руководительница была, ну я бы не сказала, что она была особенно умная, такая. Это классическая училка, и училка литературы. Но она поступила, на мой взгляд, единственно возможным способом. Я ей, — сейчас сколько? двадцать лет? больше двадцати лет прошло, — и я ей ну буквально, — царствие ей небесное, она умерла очень рано, — готова вообще памятник за это все поставить. Она сказала, на следующий урок пришла: «Да, у нас тут по программе, — я уж не помню что, не знаю, кто там, — не хочу я про Пушкина, про Тургенева. Давайте я Вам стихи почитаю». И читала: Овсей Гурвич, Маршак, Заходер. В общем, подобрала все и сказала: «Это вот стихи еврейских поэтов. Они по-русски писали. Но вот это такие замечательные еврейские поэты». Всё. Все всё поняли. Никогда больше, ничего, ни одного слова, никогда не было. Вот я считаю, что, так сказать, исключительно умное было такое вот какое-то такое решение вопроса. Потому что она могла ее вызвать, песочить как-то или что».

В целом можно заключить, что, если исключить респондентов украинского происхождения, окончивших школу на Украине, пребывание в школе оказало более сильное влияние на этническую идентичность информантов из еврейской и еврейско-русской групп, чем из украинской и украинско-русской. Причем это было в основном воздействие, связанное с отрицательными эмоциями.

7. Влияние художественной литературы на информантов

Украинская группа. Из всех информантов «чисто» украинского происхождения в настоящее время по-украински много читают лишь Юлия У. и Александр С. Георгий С. иногда привозит с собой книги на украинском языке после посещения сестры в Луганской области. Александр С. говорит, что мировую классику, а также приключенческую литературу он знает в основном из переводов на украинский язык. Но главным образом на него повлияла украинская литература:

«Франко всё сильно сыграл, потому что он мой земляк. Жил в моем городе, он бывал, видел эти промыслы [имеются в виду нефтяные промыслы — Б. В.], это всё. Ну, знаете. «Борислав сміється». Вы должны были изучать в школе. Потом я же, читая его, я реально знал улицы, где это могло быть. Оно же изменилось за эти сто лет, и так дальше. Франко, пожалуй, сильно сыграл большую довольно роль. Может быть больше даже, чем Шевченко, потому что Франко, он широкий, он писал много беллетристики и так дальше. Мне было интересно. «Борислав сміється» — просто увлекательный рассказ. Но у него другие есть вещи. «Захар Беркут», например. Это детская историческая вещь. Это гул копыт и все остальное. Сильно? Сильно, почему нет».

Юлия У. По-украински обычно читает летом, когда ездит к родственникам в Львовскую область. Она сетует на то, что сейчас у нее мало времени для чтения художественной литературы.

К сожалению, никто из информантов в этой группе не смог объяснить, каким образом украинская художественная литература повлияла на их идентичность.

Украинско-русская группа. В этой группе по-украински совсем не читают Александр И., Татьяна Г. и Ольга Н. Ольга говорит, что ей очень нравятся Достоевский и Чехов. Ей кажется, что это «очень русское». Лидия К., хотя и умеет читать по-украински, книги по украинской тематике читает лишь sporadически, причем, это преимущественно литература научного характера.

Наталия К. хорошо осознает влияние литературы на ее этническое самосознание:

О.: Мое определение, мое понятие «русский», связано, скорее всего, с традицией, с тем, что я носитель русского языка, и русский язык для меня — это единственный язык и общения, и образования моего. Поэтому мне очень трудно сказать о том, насколько я под впечатлением той или иной литературы могла себя определить, называть, что я русская, вряд ли. Пожалуй, единственное, что может быть безошибочно правильным, это, конечно, русская классика. Это Тургенев, это Толстой, Лесков, Салтыков-Щедрин.

В.: А из украинской классики?

О.: Из украинских люблю Франка, Лесю Украинку, Ольгу Кобылянскую.

В.: Ты их читала по-русски, по-украински?

О.: Я читала и на русском, и на украинском. Ну вот, Панас Мирный.

У Станислава О. любимый украинский писатель — Михаил Коцюбинский. Станислав стал много читать по-украински примерно с семнадцати лет. Правда, с произведениями Шевченко он познакомился раньше. Дома у Станислава есть художественная литература на украинском языке, а также исторические сочинения Грушевского, Костомарова, Яворницкого и других авторов. Станислав жалеет о том, что в Петербурге трудно купить книги на украинском языке после того, как закрылся магазин «Дружба» на Литейном проспекте.

Тамара Б. при сравнении украинской и русской художественной литературы отдает предпочтение русской, таково же ее отношение к научным и публицистическим работам, выходящим на Украине:

«... я отвратительно знаю украинскую литературу. То есть, практически, не знаю. К сожалению, то, что я знаю из украинской литературы, мне мало симпатично. Для меня слишком сентиментально. После Льва Толстого, который для меня, так сказать, самый значительный писатель, мне очень тяжело поверить в сентиментальные в духе Леси Украинки или, там, Ивана Франко. Немножечко как-то это все наивно. Но опять же, мне сложно, потому что у меня некоторое смешение профессионального и сугубо личного в этом вопросе. А что касается вообще литературы, скажем русской, то, конечно, она сыграла просто колоссальную роль и продолжает играть. И, по-моему, как для каждого русского, скажем, интеллигента, если позволительно так себя назвать».

Юрий Ц. рассказывает о своих впечатлениях от произведений украинских авторов:

«Когда я прочитал конотопскую ведьму. Это было очень давно, это было, когда я был в шестом классе, слава Богу, потому что изучается в курсе украинской литературы только в девятом... А потом «Пана Халявського». Меня потрясло,

Б.Е. ВИНЕР

*Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга*

прежде всего, то, что это написано на двух разных языках: на украинском и русском. Но считается украинской литературой. И когда я прочел совершенно мало-российские «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя, я поразился, почему они собственно изучаются в курсе русской литературы. Так что, вот, наверное, Квитка-Основьяненко, а потом Котляревский, они дали мощный импульс к размышлению на эту тему».

Александра Ч., которая, как и Юрий, окончила школу на Украине, подчеркивает особую роль творчества Шевченко в воспитании подрастающего поколения в этой республике:

«Знаете, Шевченко, конечно очень мощное влияние оказал, я думаю, на всех детишек, которые росли на Украине в то время, потому что его произведения изучались на протяжении всех девяти лет изучения языка украинского. Ну, там еще есть несколько писателей, может быть, сейчас я просто уже не вспомню, потому что, ну, Леся Украинка, Коцюбинский. Но Шевченко, конечно, очень чтится».

Еврейская группа. В условиях, когда средства массовой информации нельзя было доверять, а научно-популярной литературы о евреях не печаталось, для многих единственным источником информации о еврейской истории и культуре была художественная литература. Все без исключения информанты из еврейской группы говорят о том, что читали книги по еврейской тематике. Здесь важно обратить внимание, что в отличие от людей украинского происхождения, которые знакомились с украинской литературой, прежде всего, благодаря школьной программе, информанты-евреи должны были обращаться к литературе о евреях по собственной инициативе. Причем, следует иметь в виду, что зачастую такие книги было нелегко приобрести в книжном магазине или найти в библиотеке. Необходимо было предпринять какие-то усилия для поиска необходимого произведения. Среди особенно запомнившихся писателей Ольга Д. назвала Шолом-Алейхема, Гроссмана, Башевиц-Зингера, Агнона; Вера Ю. вспомнила Зингера и Квитко; Елена Л. указала на Шолом-Алейхема, Эфраима Севеллу. Матвей Д. говорит, что о многих вещах он узнал из книги «Люди. Годы. Жизни» Эренбурга. Кроме того, на него оказали сильное влияние книги Фейхтвангера «Иудейская война», «Еврей Зюсс», «Изгнание» и «Бабий Яр» Кузнецова.

Елена Г. говорит, что сильное впечатление на нее в одиннадцати-двенадцатилетнем возрасте произвел «Айвенго» Вальтера Скотта. Анна З. на вопрос о влиянии на ее этническое самосознание художественной литературы дает такой ответ:

«Конечно, проще всего сказать, что Шолом-Алейхем. Но это будет не совсем верно. Я читала, что-то страшное я читала. Я читала что-то про войну. Я не помню ни автора. Есть такой Людвиг Ашкенази. Польский еврей и там что-то про концлагерь. Картинка была красивая на обложке. Поэтому я, по-моему, в пятом классе, сколько от меня эту книгу не прятали, или в четвертом я ее прочитала. Ну, про концлагерь. И как бы первое впечатление было вот такого, — я читала много разного, но это и потом я в себе замечала, что почему-то, когда я читаю про евреев как бы вот эта эмоция сопереживания, она гораздо сильнее. То есть я не могу, это как бы уже генетическая память. И вот так с этой книжкой началось».

Ну, Шолом-Алейхем, естественно, там прочитанные в пятом классе «Блуждающие звезды» и «Мальчик Мотл» и рассказы. Ну, как бы вся эта корчаковская история, конечно...».

Часто наибольшее влияние на читателей оказывали не художественные достоинства книги, а информация, которая там содержалась. Ефим С:

«Где-то лет, наверно, пятнадцать-двадцать тому назад я прочитал книжечку о еврейских концлагерях, мне доставило какое-то мучительное удовольствие фраза, которую я там прочитал, — не помню, что это была за книжка, — просто история всех концлагерей. Автор этой книги написал, что не было ни одного концлагеря на территории Европы, котором не произошло восстание. Везде. Во всех лагерях были восстания. С голыми руками шли на пулеметы».

Сергей Б. вспоминает, как во время учебы в институте ему дали почитать книгу, переведенную с иврита:

«Я до сих пор помню книжечку, я не помню ни автора, ни названия. Там рассказы израильских писателей. Это семидесятые годы. Такая тоненькая. Литературно она совершенно никакая была... Но я до сих пор ее помню».

Чрезвычайно интересны размышления Юрия Л. о влиянии литературы на его идентичность:

О.: Может быть, для самоосознания был любопытен Эренбург. Но, в первую очередь, не «Люди. Годы. Жизни», естественно, а «Хулио Хуренито»... Мне было скучно читать Шолом-Алейхема, просто скучно. Бабеля читал. Если говорить о еврейских писателях. Это те, для кого еврейская тема актуальна. Какие-то вещи из Фейхтвангера мне были интересны, какие-то нет. Мне даже трудно сказать. Я себя не настолько сильно, может быть, идентифицирую. Хотя какие-то вещи... Какое-то стихотворение Багрицкого, так уж мне показалось... Я сейчас не берусь его воспроизвести. А с «Хулио Хуренито» я могу сказать, что это я просто узнал себя в этой ситуации и понял, что это, по-видимому, не просто мое личное, а еще и во многом национальная черта. Это вопрос, который задается Илье Эренбургу... Вы читали «Хулио Хуренито»?

В.: Нет, «Хулио Хуренито» я не читал.

О.: Это, на самом деле, единственная серьезная вещь у Эренбурга... Впрочем, когда я подсунил своей жене, которая в свое время начала читать «Люди. Годы. Жизни», она ее с отвращением отбросила как продажную вещь, когда я ей подсунил, и она прочитала, она сказала, что возненавидела Эренбурга еще больше. Потому что, если человек уже все понимал, то какого черта он продавался? Так регулярно. Ну вот. Главный герой... Его учитель Хулио Хуренито задает ему вопрос: «Если бы от всего языка можно было оставить только одно слово, какое бы ты слово оставил?» И он говорит: «Нет». И дальше идет рассуждение о том, что это как раз еврейская черта... Она в этом проявляется. Когда я на это наткнулся, я понял, что да, это как бы ситуация про меня, это история про меня, и что у меня это, по-видимому, оттуда. В общем, это был некий элемент самоосознания.

Еврейско-русская группа. Все информанты из этой группы читали какие-то произведения еврейской литературы, прежде всего Шолом-Алейхема. Но формирование этнического самосознания Александра Б. наибольшее влияние оказали русские писатели и среди них (Александр это оговаривает особо) Аксенов как «полукровка». Елене А. больше всего нравятся сочинения Тургенева, Достоевского, Лермонтова. Анатолий В. полагает, что на него наибольшее влияние оказали русская классика, Шолом-Алейхем и Рабиндранат Тагор. Наталия Р. подчеркивает огромную роль, сыгранную художественной литературой, в формировании ее

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

как личности:

О.: Понимаешь,... у меня тяга как бы к еврейскому, она возникла как бы ниоткуда. То есть она не подпитывалась ничем... Я даже не знаю, откуда это родилось. Но, в общем-то, в этой деревне я по любым крупницам, поскольку я не видела вообще ни одного живого еврея, понимаешь, и ни с кем не могла общаться, ну там кроме своей мамы. Но моя мама-то, тоже с самого детства была вырвана из этой среды. Тогда она была запугана достаточно. Понимаешь, все-таки в детстве... И единственное, что для меня было — это книги, как раз. И я собирала всю информацию. Ну, конечно, я читала Шолом-Алейхема, как там все, там знаешь, еврейский быт, все эти дела изучала по этому. Да. Я, наверное, его всего прочитала. Но «Блуждающие звезды», вот, мне очень нравятся. Ну, я читала тоже Бабеля, вот. Читала я Эренбурга. Как бы, там, тоже много таких тем проходит. Какие-то имена оттуда. Там же каких-то поэтов еврейских. Там же Юлиана Тувима, Переца Маркиша узнала я от Эренбурга. И вплоть до того, что я даже всякие по революционерам, там знаешь, собрания сочинений, смотрела там Карла Маркса, и так удалось выудить какую-то информацию по еврейским вопросам. Это в школьные годы.

В.: А, начиная с какого возраста, примерно, ты стала все это читать?

О.: Я думаю, что, как только, может лет с двенадцати, там, знаешь.

8. Влияние семейного воспитания на формирование этнической идентичности

Прояснение роли семейного воспитания имеет особое значение для понимания природы межпоколенной передачи этнической идентичности. Ведь те теоретические положения, которые излагались выше, как раз подчеркивают особую роль семьи в преемственности феномена этничности.

Украинская группа. Большинство информантов говорят, что их родители (дедушки, бабушки) не делали ничего специального, чтобы вырастить их украинцами. Игорь С: «Специально не делали. Это все само собой получилось». Александр С: «Нет, они просто жили». Татьяна С. полагает, что ее дед пытался оказать на своих родственников воздействие в этом направлении:

«Ну, пять первых лет я жила с бабушкой и дедушкой, а потом каждое лето меня туда отправляли. Наверно, где-то до середины студенческих лет. У меня дед был, конечно, такой националист. Шевченко все время... А родители нет.

На Юлию У. заметное влияние оказали переезды из России на Украину и обратно:

«Как бы нас воспитывали, как принято было. То есть это не было специальное там националистическое, скажем так, воспитание. Но поскольку я детство провела у бабушки. То есть я сначала жила здесь. Я говорила сначала на русском языке. Ну, чтобы ребенку не было трудно, потому что детский сад, ясельки. Это надо общаться. Потом я уехала к бабушке. Вот, практически весь дошкольный период. Ну, естественно, на Украине разговаривают на украинском языке. Хотя первоначально, насколько вот я знаю по рассказам, я разговаривала на русском. Потом как-то это плавно все перешло, вот. И там как-то рассказывали обо всем. Хотя, в общем-то, в детстве я, может быть, не очень хорошо это все запоминала. Все

эти рассказы. Но мне просто интересно было, вот когда какие-то праздники, там, вот эти песни».

Александр С. обрисовывает, каким образом на этническую идентичность человека могут повлиять разговоры между родителями и детьми:

«Главные вот эти штуки происходят в таких незаметных вещах. Это может быть песня мамы. Или болезнь, вот ты болеешь, и тебе что-то так читают какую-то сказку. У меня вот, было вот такое воспоминание детское, где вот это проявлялось очень сильно, это у нас был дом, и у нас нету возможности сажать картошку, это ж город. И нам давали, там отцу давали с этого его предприятия, там нарезали где-то, ну поля такие по шесть соток каждому. Такой пан, такой пан, у всех панов есть по небольшому огороду. Пока мы идем туда, это примерно полчаса, у бати велосипед, мы там эту картошку, и он разговаривает, он не молчит. Как он был в Австрии, как он был в Германии. Он рассказывает, какие отношения были между людьми, какие буквы носили здесь поляки, там евреи и там, например...».

Украинско-русская группа. Информанты украинско-русского происхождения говорят, что их родители не делали ничего специального для их этнической социализации. В свою очередь, большинство информантов, имеющих детей, следуют этой линии своих родителей. При этом они считают, что в процессе воспитания есть вещи более важные, чем этническая принадлежность.

Вместе с тем, Юрий Ц. вспоминает, что его бабушка по материнской линии, которая по своему этническому происхождению была русской, говорила с ним о проблемах украинского языка. В частности, она удивлялась тому, что украинский язык на Украине в конце 50 — начале 60-х годов был менее престижным, чем русский. Юрий объясняет это тем, что бабушка хорошо помнила период политики украинизации в конце 20 — начале 30-х годов, когда подчеркивалось, что украинский язык должен быть ведущим на Украине.

Еврейская группа. В еврейской группе информанты разделились в своих ответах на вопрос о каких-то специальных усилиях, предпринятых их родителями для их этнической социализации. Ефим С. и Елена Г. говорят, что их родители ничего в этом плане не предпринимали. В семье Леонида З. в этом вообще не было необходимости: *«Нет. Оно само по себе шло. Вот я насколько знаю мать, сестру, всех, они не стеснялись этим и, как говорится, не давали нам забывать, что мы евреи».* Ольга Г. не помнит вообще ничего, чем бы ее семья во время жизни в Казахстане отличалась от окружающих, за исключением того, что праздновали еврейскую Пасху.

Вера Ю. и Елена Л. думают, что родители и дедушки и бабушки ограничивались просто беседами с ними и ответами на вопросы. Матвей Д. пошел в школу во время борьбы с «космополитизмом»:

«Нет. Этого они не делали. Но поскольку мне было семь лет, когда началось дело врачей, я и на себе испытал все ужасы антисемитизма, и ощущал, как это происходило в отношении матери, отца. То есть меня не нужно было специально выращивать евреем».

Сходные воспоминания об этом времени остались у Ольги Д.:

«Когда в шесть лет я слышала, как шептались при мне, что люди, которых

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

арестовали, вовсе не «убийцы в белых халатах», при этом бабка рыдала рыдом по поводу смерти Сталина. А вот, когда мне было десять, это было уже поспокойнее, посвободнее, я даже попросила у папы научить меня ивриту, он даже согласился. Он мне показал алеф-бейс [алфавит — Б. В./]. Ну, просто, поскольку он был человеком нетерпеливым, а я тоже, соответственно, нетерпеливый, дальше алеф-бейс дело не пошло. На все мои вопросы при всем том, что он, конечно, старался как бы, он был член партии, причем фанатично верящий в идею, ну, куда-то надо было деть еврейский темперамент, вот, он кричал, что он интернационалист. Но при этом он говорил: «Я интернационалист. Все люди равны». Но при этом он сказал: «Девочки, чтоб за русского замуж ни-ни, чтоб гоим [неевреи — Б. В.] в доме не пахло». Кроме того, он отвечал на все мои вопросы, касающиеся каких-то еврейских обычаев, традиций. Он со смехом говорил о цадиках. Вообще очень хорошо знал классические тексты и комментарии к ним и мгновенно указывал на противоречия. Но, тем не менее, когда я пришла в еврейский университет, я почувствовала, что я очень легко овладеваю материалом. Я сначала полагала, что это в связи с моим базовым историческим образованием. Потом поняла, что это еще в связи с тем, что так, между делом, папа достаточно много в меня вложил. Это как бы где-то там капсулировалось. А когда нужно...».

Юрий Л. также сомневается, что дед ему рассказывал что-то, связанное с еврейской проблематикой, именно с целью вырастить его евреем. Для деда это просто был способ общения с внуком, в котором что-то, имеющие отношение к евреям, было лишь одной из возможных тем для общения.

Сообщение Сергея Б. подтверждает точку зрения Юрия:

«Нет. Ничего специального, с одной стороны. А с другой стороны, постоянные какие-то термины, постоянные словечки, постоянные разговоры. Блюда готовили, как я сейчас понимаю, еврейские блюда. Но никогда специально не говорилось, еврей, там, нееврей. Хотя мама, когда искала мне жену, она все-таки еврейку искала».

Анна З. вспоминает о некоторых противоречиях между ее родителями и родителями ее матери по вопросу воспитания внучки:

В.: Делали ли Ваши родители (или дедушки и бабушки) что-то специальное с целью вырастить Вас еврейкой?

О.: Никогда в жизни. Кроме как когда мы приезжали в Белую Церковь, говорили, что, что вы делаете из ребенка гоя?

В.: А в чем это заключалось?

О.: Ну, что ребенок просил ветчинки, например, в Белой Церкви... Ну, у дедушки сестра была такая с пасхальной посудой.

При сопоставлении ответов информантов из этой группы с информантами украинского происхождения на вопрос об этнической социализации их детей выявляются значительные различия. Лишь Ефим С. сказал, что не делал в этом плане ничего:

«Но, с другой стороны, я не делаю ничего против этого. Она, с моей точки зрения, самостоятельная личность, и пусть самоидентифицируется так, как ей удобно. У меня нет никаких по этому поводу, нет ничего совершенно, ни отрицательных, ни положительных эмоций. Хотя, вот, с другой стороны мне приятно, что вот она, только еврейские корни ее начали проявляться и проявляться довольно сильно. Меня это радует. Хотя странное какое-то чувство. На самом деле, по моим мировоззрени-

ям это радовать не должно. Я космополит. Убежденный космополит».

Сын Сергея Б. еще дошкольник, о серьезных вещах с ним говорить рано. Но Сергей старается наряду со сказками других народов читать ему и еврейские сказки. У Ольги Г. дочь — уже студентка вуза. Ольга говорит:

«Дочке я с первых дней это внушила, что она еврейка, что это ее национальность, и ни к каким русским она не принадлежит. Я вот могу сказать, что, в отличие от меня, она гордится своей национальностью».

Матвей Д. послал своего старшего сына учиться в Израиль, а младший сын сейчас учится в еврейской школе в Петербурге. Сын Елены Л. посещал еврейский детский сад, а сейчас учится в еврейской школе. Много рассказывает о евреях своим детям Анна З.:

«Проблема заключается в том, что я приняла христианство, когда родилась моя дочь. Но, с другой стороны, для меня эти вещи как бы разделенные: то есть моя вера и моя национальность, поскольку Корни у меня еврейские самые прекрасные. И как бы я могу выбрать в кого верить и как, но выбрать корни я уже не могу, потому что я еврейка. Поэтому с детьми мы об этом говорим, конечно. Я им объясняю, что. Они у меня спросили в ужасе, Ксения пришла из садика и сказала: «Мама, а что, правда, что у меня дедушка - еврей?» «Да» «И бабушка — еврейка?» «Да». Посмотрела на меня в ужасе и сказала: «Слушай, значит, ты тоже еврейка?» «Ксения, а что? Да, еврейка». «Так и я еврейка?» «Ну, ты как бы наполовину еврейка. По еврейским законам да». «Да? Ну, значит это не страшно тогда». То есть, видимо, в садике рассказывали что-то страшное про евреев. Но когда она поняла, что ее близкие родственники евреи, значит это не страшно. Так специально? Ну, конечно, я им рассказываю какие-то там традиционные вещи, потому что они меня спрашивают про мацу. Как всегда в доме это бывает. Детям же все интересно. Особенно когда у них есть возможность сравнить, с разных точек зрения взглянуть на себя и на жизнь вообще. Так специально ничего не делаю. Я думаю, что это их дело потом как бы выбирать. Тем более что у них все-таки две крови...».

Еврейско-русская группа. В этой группе все информанты утверждают, что их родители не предпринимали ничего специального для их этнической социализации ни в качестве евреев, ни в качестве русских. Анатолий В. вспоминает, что его бабушка соблюдала какие-то пищевые запреты, связанные с иудаизмом, но некоторые знакомые их семьи соблюдали эти запреты в гораздо более строгой форме.

Елена А. смогла вспомнить лишь один случай, когда родители попытались как-то повлиять на нее в этом плане. Ей надо было заполнять документы для получения паспорта, и мать специально просила отца предупредить Елену, чтобы та написала «русская» в графе о своей национальности в форме для получения паспорта. Родители считали, что в этом случае Елене будет легче поступить в вуз. Александр Б. также не помнит каких-то особых усилий своих родителей, направленных на его социализацию в качестве члена какого-либо этноса:

«С еврейской бабушкой я общался довольно мало, потому что она умерла, когда мне было восемь лет. Она в своей разговорной речи время от времени употребляла на идише какие-то пословицы-поговорки, которые мне запомнились. Но она специально, конечно, меня не учила им. Это просто у нее манера разговора была. Время от времени она, там, говорила что-то типа «киш а бер интервейдл» [поце-

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

луй медведя под хвост — Б. В.] или что-нибудь в этом роде. Но это, конечно, вряд ли было сознательно. А после ее смерти. Отец вообще у меня был член партии. В синагогу не ходил, так сказать. Идиша не знал. Как бы он был интернационалист. Поэтому, думаю, что с этой стороны никаких попыток не было. Ну, а что касается русской стороны, то просто было обычное воспитание. Не думаю, что тоже они пытались специфически русски воспитать. Вся среда вокруг была русская, поэтому тут ничего не требовалось».

Для этнической социализации своих детей как русских или евреев респонденты из этой группы также ничего не делают, за исключением Евгения К.:

О.: Мои дети, во-первых, они ходят ко мне в воскресную школу. Это раз. Во-вторых, они ходят в дневную еврейскую школу, здесь вот, кстати, в Торговом переулке, еврейская школа, на Фонтанке... Она светская школа, к счастью. Хотя жене моей это не нравится, а мне нравится. Вот. Там хорошее образование, на мой взгляд. И вообще, мне эта школа очень нравится. Там отличные компьютеры, английский, всё, что надо для Израиля. И что касается воспитания детей, да, мы действительно воспитываем в еврейском духе. Я, правда, пытаюсь объяснить, что еврей — это вовсе не обязательно человек, который ходит в синагогу и носит кипу [ермолку — Б. В.]...

В.: А почему для Вас важно, чтобы Ваши дети были евреями?

О.: Очень четкий вопрос и четкий ответ. Потому что они евреи, это раз. Во-вторых, я просто брежу Израилем. Я хочу туда. Я там был всего неделю, но мне до того понравилась атмосфера, мне до того она близка, я люблю этих людей, я люблю эти лица, эти улыбки. И я хочу жить там. И я уверен, что рано или поздно, все равно мы уедем. Думаю, что у нас будет судьба, как у очень многих сейчас, когда дети подрастают, уезжают по программе «Наале». Но никто еще не вернулся сюда: дураков нет. Все остаются там. И за детьми потихонечку родители тянутся. Я думаю, что у нас будет также.

9. Предубеждения и дискриминация

В настоящее время у отечественного читателя появилась возможность познакомиться с работами на русском и других языках, которые рассматривают национальную политику правящей верхушки Советского Союза. В них показано, что украинцы и евреи подвергались дискриминации и даже преследованиям, наряду с представителями других народов СССР, несмотря на официально провозглашаемую доктрину равноправия всех народов страны (14). В этом параграфе рассматривается, каким образом дискриминация и этнические предубеждения могли повлиять на идентичность информантов.

Украинская группа. Большинство информантов из этой группы лично на себе не испытали негативного отношения к украинцам со стороны государства или со стороны людей других национальностей. Тем не менее, в высказываниях некоторых из них чувствуется какая-то обида за то, что русские относились или относятся к ним как бы сверху, с определенным оттенком покровительства. Об этом говорит Татьяна Н.:

«А вот в отношении русских [к — Б. В.] украинцам есть, конечно, много обидного, я думаю, потому что, как у всякой более мелкой нации. Украинский язык

воспринимается как испорченный русский. Вот все эти моменты. Как к провинциальному родственнику отношение. И оно сейчас и сохранилось, конечно. У очень многих русских, вот мы с мужем спорим, аллергия вот к этой самостийности. Сердится. Вот это, казалось бы, твой кусок, как они смеют! Должны сидеть у себя в чулане! А надо же!».

Ощущает это и Георгий С:

В.: Как Вы думаете, существуют ли различия между отношением русских людей к украинцам и политикой властей по отношению к украинцам? Если да, то в чем эти различия состоят?

О.: Ты знаешь что? Есть.

В.: В чем разница, интересно?

В.: Ну как? Во-первых, даже возьми наш президент. Не ахти как хорошо относится к Украине. И некоторые народы далее вот сейчас, начали кричать: «Чего Вы тут?» Можно встретить.

В.: И в каких ситуациях?

О.: Ну, в деревне у меня было. Я приехал, у меня жена псковская. Она [соседка - Б.В.] говорит: «Вот ты че?» А я говорю: «Да я с женой живу. Что ж мне теперь жену бросать и ехать на Украину? Это, — говорю, — не твои уже проблемы. Это сейчас никуда не денешься.

В приведенном выше высказывании соседки Георгия С. по даче в псковской области сквозит уже даже не чувство превосходства, а открытая неприязнь к человеку другой национальности. По-видимому, сталкивался с негативным отношением к себе, как к украинцу, и Игорь С. На вопрос об отрицательном отношении к себе из-за того, что он украинец, Игорь ответил: *«Ну, всегда найдутся какие-то люди. Я не хотел бы говорить об этом».* Возможно, если бы его мать не была в это время рядом с нами, он ответил бы на этот вопрос более подробно.

О какой-либо дискриминации по отношению к украинцам со стороны советского государства большинство информантов из этой группы не упоминали. Вероятно, прямо на них никакие ограничительные меры не влияли. Но все-таки даже информанты, принадлежавшие в прошлом к сравнительно привилегированным слоям населения, могли почувствовать на себе попытки государства, направленные на регулирование представительства определенных национальностей в составе тех или иных социальных групп с помощью недемократических методов. Георгий С. в советское время был высокооплачиваемым старшим офицером. Он преподавал в военной академии в Петербурге и даже провел два года в Сирии, обучая курсантов военного училища. Согласно его рассказу, на всех этапах армейской службы его окружало много украинцев. В семидесятые годы партийные и государственные органы попытались «навести порядок» в области национального состава офицерского корпуса:

В.: Сталкивались ли Вы с ситуацией, когда кто-либо проявлял к Вам отрицательное отношение из-за того, что Вы принадлежите к Вашей национальности?

О.: Не ко мне лично, но в семьдесят, наверно, пятом году, где-то вот так, Брежнев поехал в Забайкальский округ, когда он был главой государства. Приехали туда. А там в основном одни хохлы служили. Он, когда увидел, командиры полков все хохлы, он говорит: «Это неправильная национальная политика ведется». Вот в восемьдесят пятом году, когда я ездил в Алма-Ату набирать слушателей, тогда была разнарядка: семьдесят пять процентов русских, двадцать процентов украин-

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

цев и пять процентов других национальностей надо брать в учебные заведения. Я когда приехал, а поступали, там у меня было больше хохлов. Я не мог нарушить закон. Они, правда, и по уму были некоторые. А полковник был: «Надо же, впервые вижу, хохол хохлов режет».

В.: Это на бумаге было или устно?

О.: Нет, это устно. На бумаге не может быть такого.

Разумеется, государство должно было следить, чтобы все народы страны в равной степени имели доступ к военной профессии, точно так же как и ко всем остальным занятиям. Отрицательным здесь является то, что методы регулирования национального состава социальных групп были чисто административными, скрывались от населения, и поэтому они воспринимались как несправедливые.

Украинско-русская группа. В данной группе большинство информантов либо не испытывало никаких антиукраинских или антирусских предубеждений вообще, либо испытывало их в редких случаях. Однако здесь настораживает то, что те информанты, которые столкнулись с антиукраинскими предубеждениями в недавнее время, прежде никогда с подобными явлениями не встречались. Тамара Б. делится своими впечатлениями:

«Я думаю, что, к сожалению, сейчас средства массовой информации сделали свое черное дело. Могу рассказать два ужасных эпизода. Где-то года два назад я ехала в троллейбусе от Витебского вокзала, от которого обычно едут украинцы, и читала автореферат на украинском языке. Вдруг за моей спиной слышу возглас: «О! Это что хохлов тут понаехало». Оборачиваюсь, стоит какой-то сантехнического вида какой-то люмпен. Вот он увидел, что я читаю что-то украинское. Ему это не нравится. Меня это потрясло. Это был первый эпизод. Потому что раньше этого совершенно не было. Я очень хорошо помню, как раньше это не вызвало бы никакой реакции или, скажем, какой-то интерес. Или второй случай. Я иду тоже, кстати, по вокзалу со своей приятельницей и довольно громко ей рассказываю о том, как я люблю Киев, какой это чудный город. Вдруг какая-то пенсионерка останавливается, разворачивается ко мне и говорит: «Вот Вы и поезжайте в свой Киев». И тоже это было сказано с крайне [конец первой стороны кассеты]. Я поняла, что, к сожалению, на обывателя все это противостояние повлияло, и что люди наши, которые привыкли искать какого-то виноватого или, скажем, с удовольствием это делают, ну вот, нашли еще одного».

Станислав О. испытывал негативное отношение со стороны своих знакомых из-за своей украинофильской позиции:

В.: Сталкивались ли Вы с ситуацией, когда кто-либо проявлял к Вам отрицательное отношение из-за того, что Вы принадлежите к Вашему народу?

О.: Из-за принадлежности. И даже больше скорее, из-за того, что я, живя в России, тем не менее, имею некий украинский патриотизм. Некоторые люди бывают, что относятся к этому негативно, и бывает далее, что кое с кем у меня портились отношения даже на этой почве.

В.: Это какие-то Ваши знакомые или официальные фигуры.

О.: Нет, не официальные фигуры. Но среди коллег, такое тоже было.

Наталья К. попадала и в более серьезные ситуации. Она говорит, что неоднократно сталкивалась с негативным отношением к себе как к русской:

О.: Допустим, в том же самом Киеве в семьдесят первом году при поступле-

нии, при моей попытке поступления в Киевский университет, на мою фамилию К. в мой адрес звучали просто оскорбительные речи, почему я не говорю на украинском языке, и что я забываю свой народ, и что я обязана говорить только на украинском языке, нося вот такую фамилию.

В.: Это кто вот такое выдавал?

О.: Официальные лица. Тот же самый декан университета, исторического факультета.

В.: А почему ты с ним разговаривала ?

О.: Я с ним говорила по поводу общежития при поступлении, являясь только еще абитуриентом.

Ольга Н. несколько раз попадала в неприятные ситуации из-за своей неславянской фамилии:

О.: Я думаю, что люди здесь относятся к украинцам очень лояльно. Потому что, ну, их просто, наверно, очень много и потом это достаточно близкая культура. Это не сопоставимо, конечно, с евреями вообще... Я никогда не чувствовала какого-либо ущемления, ну, например, меня или моей мамы, у которой фамилия украинская, и я думаю, что просто этого нет в Петербурге...

В.: Сталкивались ли Вы с ситуацией, когда кто-либо проявлял к Вам отрицательное отношение из-за того, что Вы украинского происхождения?

О.: Нет, из-за украинского происхождения нет. Я сталкивалась с ситуацией, когда ко мне негативное отношение из-за моей «еврейской» фамилии.

В.: По фамилия у Вас, как раз, нееврейская.

О.: Да, но некоторые люди это не очень понимают.

В.: А в чем проявлялось это отрицательное отношение?

О.: Ну, с некоторыми экзаменаторами могли возникнуть сложности.

На одном из экзаменов экзаменатор, благодаря мелким придиркам по каждому из пяти вопросов, выставила респонденту четверку. При этом друзья респондента, которым она помогла во время подготовки к ответу на экзамене, получили пятерки.

В.: Бывали ли у Вас когда-нибудь какие-либо преимущества перед другими людьми из-за Вашего украинского происхождения ?

О.: С другой стороны, моя фамилия мне иногда и помогает, когда сталкиваешься с преподавателями, ну, евреями, скажем так.

В.: У Вас такое впечатление, что они либеральнее к Вам относились?

О.: Да, либеральнее, они помочь готовы. Я думаю, что это объясняется именно.

В.: А Вашим товарищам они выставляли?

О.: Нет. Я просто думаю, ну, как-то чувствую, что они ко мне лучше относятся. Я объясняю это именно этим, скорее, чем чем-то иным.

Еврейская группа. Все без исключения информанты-евреи испытывали этнические предубеждения, а то и дискриминационные действия по отношению к себе. Обыденным делом было услышать оскорбления в свой адрес. Причем, это могло проявиться и в семье в случае смешанного брака, и в транспорте и при других обстоятельствах. У Елены Л. муж был русским: «У меня была ситуация с моей собственной свекровью, с мамой моего мужа. В конечном итоге она высказалась, что «я все равно знаю, что все евреи» что-то типа там грязные свиньи».

Леонид З. высказывает свои обиды:

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

В.: А вот по Вашему личному впечатлению, где сильнее чувствовалось отрицательное отношение к евреям? На Украине или здесь или в каких-то других, может быть, местах,

О.: И как ни парадокс, потом я закончил училище, потом я закончил большой спорт, меня загнали, ну дали назначение в Хабаровск. В Хабаровске мне дали назначение в Биробиджан. Командиром роты, там, разведроты. И я там служил. Так вот, там как меня называют еврейской мордой. Ну, государство было, республика, или как там. А там больше этого чувствуется, что. Там я не чувствовал, на Украине. Здесь больше чувствуешь. Далее сейчас это чувствуешь. Вот сидишь в бане. И что самое главное, тут жизнь сейчас не идет, что-то не клеится, все и только слышится: «жиды виноваты». Причем тут «жиды виноваты»? Ведь у руля много. Вот, они поставили того у руля! И что бы сейчас не случилось, какой бы, там война какая-то гражданская, все равно скажут: «жиды виноваты». Вот у них уже прямо на языках это, что жиды виноваты. Хотя тут уже этих жидов осталось, евреев осталось, ну мало. Но там же [в Израиле — Б. В.] живут и арабы, и то и другое. Никто никого — вот я посмотрел. Я же не в одном городе. Никто никому не мешает. Кто раньше приехал, кто позже приехал. Живи, радуйся и работай. И все. Сможешь, пробился, сможешь, свое дело займешь. Здесь, как вдруг что тяжело, «жиды виноваты!» Такого же не может быть. «Ельцин — жид, тот — жид, тот — жид». Ходишь только и смотришь. Да они сами виноваты в своей жизни, что они разобраться не могут. Потому что культура низкая, и вот от этого все идет.

Юрий Л. побывал в довольно неприятной ситуации во второй половине восьмидесятых годов, когда государственный антисемитизм уже начал ослабевать:

В.: Сталкивались ли Вы с ситуацией, когда кто-либо проявлял к Вам отрицательное отношение из-за того, что Вы еврей?

О.:... Ну, в университете, я в свое время пытался там сдавать кандидатский минимум, но декан факультета прервал у меня экзамен. И потом я пошел объясняться, то есть я понимал, в чем дело. Я знал, что Ф. [фамилия декана — Б. В.] Но у дверей, пока я ждал, что он меня примет, я услышал, как он говорит по телефону, что с такой фамилией и лезет.

В.: Какой предлог он использовал, чтобы прервать экзамен?

О.: Что он лично не утвердил вопросов.

Обычно в таких случаях, как известно, вопросы либо утверждаются задним числом, либо проблема их утверждения разрешается еще каким-нибудь безболезненным способом. Все прекрасно понимают, что важны не формальности, а знание соискателем сдаваемого предмета, в данном случае археологии. Из-за такого отношения декана Юрию пришлось сдавать этот экзамен в Москве, где все закончилось благополучно. Разумеется, все эти моменты повлияли на этническую идентичность информантов евреев.

На вопрос «Мы уже говорили о времени формирования Вашего этнического самосознания. Какую роль в этом процессе сыграло позитивное или негативное отношение представителей других народов к людям Вашей национальности?» Ольга Д. ответила:

«Преимущественно негативное. Евреи, как известно, упрямы. Ах, так?! Тем более я еврейка. То есть мысли о том, что, скажем, я знала, можно найти где-то в

милиции человека, заплатить, получить паспорт с национальностью русская, эта мысль даже не приходила в голову по очень простой причине: это было невозможно».

Анна З. вспоминает о неформальных еврейских молодежных группах существовавших в Ленинграде в 80-е годы. На то же вопрос она дает следующий ответ:

О.: Я думаю, что большую, кстати. Я думаю, что в какой-то момент вот все наше еврейское самосознание в начале восьмидесятых и в середине формировалось именно, как у телят, которые от волков охраняются. То есть мы сбивались в кучу, несмотря на то, что мы были все разные, с разными идеями, с разными backgrounds, основаниями. Мы защищались. И это нас сплачивало совершенно определенно. Все эти репинские, там, буревестниковские тусовки, это все общее происхождение было, по-моему, заслониться от проникновения в нашу среду русских, что было опасно.

В.: А что за тусовки?

О.: Ну, это в восьмидесятые годы вся, даже не золотая, а просто вся молодежь, очень много евреев. Я не знаю, почему мы жили в «Буревестнике». А те, кто побогаче, жили в репинской гостинице. Там как бы такая была культурная жизнь. Какие-то еврейские песни и даже семинары. Ну, помимо обычной студенческой всякой там не знаю, гуляния, там, веселого пьянства и так далее, что вообще происходило тогда. Потом по-разному. Все люди разошлись в разные стороны. Но в какой-то момент такой был котел, первобытный бульон, из которого все выросло. И мы в городе встречались. Был человек, у которого была мечта собрать сто евреев. Такой Володя Г. Из разных вузов была здоровенная компания. В синагоге собирались. Не меньше ста человек действительно было, которые все друг друга знали. И ощущения, потом, когда я уже все анализировала, пыталась понять, что же нас держало вместе, когда мы такие разные. А вот именно это. Нас сбивали, нас не брали туда, нас не брали сюда, нас выпихивали оттуда. И мы как бы сбивались защищаться, в общем-то, видимо, подсознательно.

Отмечая существование этнических предубеждений против евреев среди части населения Петербурга, информанты отмечают, что теперь проявлений антиеврейских настроений стало гораздо меньше, чем раньше.

Еврейско-русская группа. Люди еврейско-русского происхождения также указывают на существование антиеврейских предрассудков среди части общества. Интересно, что о каких-либо антирусских предубеждениях у евреев никто из информантов не упоминал, если не считать сообщения Любви Ф. о том, что она не отдала свою дочку в еврейский детский сад из-за того, что там стали бы выяснять, кто по национальности мать девочки. И хотя существовала возможность устроить ребенка в этот детский сад, даже если бы выяснилось, что по религиозным законам мать девочки — нееврейка. Люба не захотела воспользоваться этой возможностью. Здесь следует сказать, что существуют также светские еврейские дошкольные учреждения, где администрация вообще не интересуется национальностью детей; достаточно желания родителей отдать ребенка в данное учреждение.

Сейчас уже хорошо известно, что в годы предшествующие перестройке существовали ограничения на прием евреев в вузы. Какая-то информация об этом просачивалась и в 70-80-е годы. Причем боялись не получить высшего образования по этой причине не только «чистые» евреи, но и люди смешанного проис-

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

хождения. Елена А. думает, что не смогла поступить на дневное отделение своего вуза именно по этой причине:

О.: При поступлении в университет посмотрели на фотографию и [неразборчиво — Б. В.]. То есть я предполагала, что это как бы негласно происходит.

В.: То есть Вы предполагаете, что кто-то по своему собственному желанию.

О.: Я думаю, что это все-таки была неофициальная официальная политика.

В.: Но официально было написано у Вас в документах, что Вы русская?

О.: Да.

В.: Но тогда зачем смотреть кому-то на Вашу фотографию? В конце концов, люди не имеют специальной какой-то подготовки по антропологии, и смотреть на лица? И Вы не сможете наказать человека за то, что он примет еврея, у которого в документах написано, что он русский. И все зависит от него самого.

О.: Вы знаете, это как бы не я придумала, а мне, вот, говорили, что этот момент влияет.

В.: Интервьюер: А кто говорил?

О.: Этого я не могу сказать.

В.: Нет, ну родители или?

О.: Ну родители тоже. Не родители, а как бы говорили люди, которые это знали. И я не могла особенно ставить под сомнение их слова. Хотя, с другой стороны, я понимала, что я абсолютно не готова, что я ничего не знаю, и что все правильно. Но этот момент действительно был из тех. У меня на глазах проваливались люди, действительно люди, которые были подготовлены лучше меня. Когда я поступала на заочное, там была еще одна девочка-еврейка. Она перевелась почти сразу на дневное.

В.: Вот тут то по идее и должно было сработать, чтобы ее не перевели?

О.: Да, нет, я просто поняла, что она блатная. Да нет, я не очень знаю подробности. Я просто, я думаю, что во время моего поступления это было достаточно распространенное мнение. И действительно, так говорили люди, которые имели к этому делу отношение. Которые работали не в приемной комиссии, но не очень далеко от нее.

Александр Б., в отличие от Елены А., верит больше не слухам, а собственному опыту:

О.:... после университета в... году был распределен в аспирантуру [название учреждения] и, заполняя анкету, в графе «отец» написал «отец умер в семидесятом году», не называя национальность. Я так писал во всех анкетах, которые были. И при поступлении, хотя поступал на [название факультета и кафедры — Б. В.]. А до этого в июне можно было попробовать на [название кафедры — Б. В.] поступать. Но там анкета была более подробная, и там нужно было писать национальность и, в общем, все такое. Мне посоветовали знакомые: «Ты лучше туда не суйся, чтобы не засвечиваться». А в анкете на [название факультета и кафедры — Б. В.] достаточно было указать, что отец умер и не конкретизировать. Ну, и, в общем, во всех анкетах, которые я писал, там, на военной кафедре и где-то еще и при распределении я писал «отец умер», не уточняя.... И мой однокурсник написал, со своей подписью, не анонимку, письмо в партком [название учебного заведения] и партком [название учреждения, в которое информант получил распределение — Б. В.] о том, что я скрываю свое подлинное национальное лицо, что, дескать, мы, конечно, коммунисты и интернационалисты (он член партии был), но если человек

скрывает, то это подозрительно. Значит, он хочет пролезть. И тогдашний директор [название учреждения, в которое информант получил распределение — Б. В.] прислал в [название учебного заведения — Б. В.] отказ от моей кандидатуры. Но сформулировал это так: в связи с тем, что место, предполагавшееся для [название отдела — Б. В.] передается в [название другого отдела — Б. В.], в связи с необходимостью срочного издания [название работ, которые предполагалось издать — Б. В.]. Я уже подписал окончательное распределение, и, в принципе, я уже был человеком Академии наук, а не [название учебного заведения — Б. В.]. Академия должна была меня трудоустроить. И мне в [название учебного заведения — Б. В.] сказали: «Вы должны подать в суд на Академию, чтобы они Вас трудоустроили. Они не имеют права от Вас отказываться». Ну, конечно, начинать с судебного разбирательства трудовую карьеру, тем более с Академией наук, не очень хотелось. И я работал шесть лет в отделе [название отдела и библиотеки — Б. В.] библиотеки после [название учебного заведения — Б. В.], что, на самом деле, было очень полезно и хорошо для меня. Но такой вот опыт столкновения с национальной дискриминацией, наверно, у меня уже был в ... году.

В.: А зачем этот человек это сделал?

О.: Ну, он сам хотел попасть в аспирантуру.

В.: Чем это для него окончилось?

О.: Его, конечно, никуда не взяли. Наоборот, это стало всем известно. После университета он преподавал. В какой-то там национальной школе до сих пор работает. То есть его поступок был всеми осужден.

Самое главное, что Александр никуда не мог пожаловаться об этом случае, поскольку никаких грубых нарушений закона никто из участников этого происшествия не совершил. Очевидно, что если бы этот информант обратился в суд, то он получил бы какое-то малопривлекательное место в системе Академии наук, но о защите диссертации и будущей научной карьере в этом случае пришлось бы забыть. Через несколько лет Александр был принят на работу в учреждение, которое ранее было вынуждено отказаться от него, и сейчас очень плодотворно здесь работает.

10. Обстоятельства осознания информантами своей этнической принадлежности

Данные, продемонстрированные в параграфах 4-9, показывают, что смыслы, приписываемые информантами различным факторам, могущим влиять на формирование их этнической идентичности, имеют очень индивидуальный характер, что, судя по всему, отражает разнообразие переменных, способствующих этнической социализации. Представляется целесообразным посмотреть, как информанты сами описывают момент отнесения себя к конкретной этнической группе или как они впервые осознают этническое происхождение своих родителей, в случае если родители принадлежат к разным этническим группам.

Зная историю рассматриваемых этносов, можно ожидать заметных различий в тех обстоятельствах, когда информанты начинают впервые осознавать принадлежность к определенному этносу. При этом необходимо иметь в виду, что знание о принадлежности к собственной этнической общности не обязательно

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

сопровождается умением различать окружающие группы и видеть место своей группы среди них.

Украинская группа. В этой группе существует разброс в ответах информантов о возрасте осознания своей этнической принадлежности. Игорь С. помнит момент, когда он впервые ощутил себя украинцем.

В.: В каком возрасте ты начал осознавать свою принадлежность к своему народу?

О.: Ну, лет, наверно, до десяти. Ближе к десяти.

В.: Ты помнишь, при каких обстоятельствах впервые узнал о своей принадлежности к украинцам ?

О.: Ну, был рассказ. На уроке мы читали, на литературе. И там были украинские слова, и мне очень хотелось прочитать их. Меня учительница вызвала, и я их прочитал...

Татьяна Н. также сохранила воспоминания о тех эпизодах из детства, когда почувствовала свои отличия от окружающих:

В.: В каком возрасте Вы начали осознавать свою принадлежность к Вашему народу?

О.: Я думаю, в пять лет, когда я попала в садик. Я очень быстро осознала. Поначалу, видно, много было украинских слов, и это конечно вызывало. Дразнили. Тогда я уже себя осознала. Вообще, это был сильный кризис. Сильное впечатление. Переезд сюда. Совершенно другая среда, другой народ.

В.: Помните ли Вы, при каких обстоятельствах Вы впервые узнали о своей принадлежности к своему народу?

О.: Ну я не думаю, что это был такой как-то момент. Ну, вот именно в пять с половиной лет.

Юлия У. говорит, что всю жизнь осознавала себя украинкой:

О.: То есть у меня как-то не возникало такого, что я вдруг поняла, что я не-не-нерусская.

В.: То есть когда вы уже в школу пошли, скажем, в первый класс, вы уже это знали?

О.: В общем-то, я думаю, что и в детском саду я знала. Но просто вот этот возраст всегда как-то выпадает из памяти.

И Игорь, и Юлия начали осознавать различия между русским и украинским в начальной школе, благодаря поездкам на Украину и возможности сравнивать людей и их культуры. Александр С. какого-то одного момента, когда он вдруг осознал себя украинцем, назвать не может. Но вот то время, когда он почувствовал различия между русскими и украинцами приходится на его переезд в Россию:

О.: Ну примерно, приезд сюда. Шестнадцать лет. Вот здесь возникли сразу же вопросы, что ты бандеровец и так дальше. Что ты там, у вас эти самые. Мне приходилось держать стенку, так сказать. Ну, не оправдываться, но, во всяком случае, ну такой был период, время, и тоже они ничего мол, они хотели просто свободы своему народу. Ну и как-то там что-то объяснять на том уровне, на котором я мог объяснить.

У Алексея К. устойчивая самоидентификация с конкретной этнической общностью возникла сравнительно поздно:

В.: В каком возрасте ты начал осознавать свою принадлежность к русскому

МИР РОССИИ. 1999. N1-2

народу?

О.: Скажем, когда я получал паспорт, у меня как-то было желание записать в паспорте, скажем, украинец, поскольку я до шестнадцати лет по-русски вообще не говорил. Записать украинец, но мне не дали просто. Мне сказали: «Какой ты украинец, на Украине сроду не был, вообще не знаешь, что это такое и так далее».

В.: В каком возрасте ты начал понимать, что существуют разные народы или различать людей по национальностям? Я понимаю, что там был какой-то массив обций у части населения. Но, с другой стороны, были и какие-то приезжие люди, очевидно русские и какие-то, может быть, еще группы. Вот, в каком возрасте?

О.: Там русских вообще не было. Была только одна семья. И они всегда были как-то выделяемы особняком, поскольку, ну, были русские, говорили, там, по-другому. Что касается осознания, вот, людей или осознания, что рядом есть люди другой национальности, довольно рано. Я так думаю, что с шести-семи лет я все это дело прекрасно понимал. Другое дело, что в это вкладывалось? Скажем, там были не только немцы, украинцы. Там были рядом казахи. И с детства я просто не представляю себя, моей среды, моего окружения и так далее без этих людей.

Георгий С. с проблемой этнических различий между русскими и украинцами столкнулся уже в зрелом возрасте:

В.: Сколько лет Вам было, когда Вы начали понимать различия между русскими и украинцами?

О.: Ты знаешь, сейчас скажу тебе в каком. Где-то, наверно, в девяностом году... Ты знаешь, я об этом не задумывался. И даже, когда в академии я учился, с шестьдесят седьмого по семьдесят первый, и где-то в семидесятом, когда мы записывали какие-то анкеты, я написал родной язык «русский». У меня друг был Витя К., на меня напал: «Чего ты?» Я говорю: «Ну, подожди. Ну, я-то разговариваю по-русски, пишу по-русски». И я считаю, что, как мог у меня быть родной украинский, если я почти на нем не разговариваю. Так он: «Ну, как же так? Ты, вот, хохол, так, и написал». Говорю: «Ну что сделаешь? Вот написал и все тут». Пытаясь проинтерпретировать ответы информантов, необходимо обратить внимание на среду, из которой они происходят. Для Татьяны Н. переезд в Ленинград к родителям из Умани сопровождался стрессом, в том числе и из-за того, что в детском саду дети дразнили ее за употребление украинских слов. Поэтому она сразу почувствовала свое отличие от окружающих. А эти ощущения, в свою очередь, были подкреплены объяснениями родителей о том, что есть украинский и русский народы, различающиеся по своему языку и культуре. Игорь С. и Юлия У. с детства знакомы с двумя этническими средами. Но Игорь бывал на Украине в основном во время отпуска своих родителей. К тому же, его родители — выходцы из Винницкой области, где никогда не было противостояния между украинцами и русскими. По-видимому, Игорь осознал свою принадлежность к украинцам, благодаря более или менее сознательному сопоставлению себя со школьными товарищами: они не могли правильно прочесть украинские слова.

Юлия У. в детстве жила на Бойковщине. Люди здесь хорошо помнят и досоветские времена, и войну, и послевоенное сопротивление Советской власти. Видимо, с ранних лет Юлии говорили, что она украинка. Поэтому для нее не было какого-то одного запоминающегося момента осознания своей этнической принадлежности. По всей вероятности, в такой же ситуации воспитывался и Александр С. Правда, он рос не на Бойковщине, а в Бориславе, но политические

Б.Е. ВИНЕР
*Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
 современного Санкт-Петербурга*

события на всей территории Галиции в двадцатом веке происходили одни и те же. Судя по всему, на Георгия С. и Алексея К. очень повлияла этническая среда их социализации. Георгий С. вырос в Луганской области, где русских и украинцев примерно поровну. На практике там часто бывает невозможно отличить их друг от друга. Поэтому длительное время для Георгия Николаевича вопрос о том, кто он, русский или украинец, был малозначительным. Не придает он этому значения и сейчас. А для Алексея К. его самоидентификация с Россией, а не с Украиной, как видно, оказалась более значимой, чем самоидентификация с предками, имевшими в основном украинское происхождение. При этом важно помнить, что родители Алексея и их родители Украину называли Россией. Вероятно, они воспринимали Украину просто как географический регион России.

Украинско-русская группа. В этой группе не обнаруживается ни одного информанта, который связал бы осознание своей этнической принадлежности с каким-то конкретным моментом в прошлом. Скорее, процесс вызревания этнической самоидентификации информантов был длительным. Татьяна Г., по ее словам, всегда знала, что она русская. А задумываться над этим она стала, уже будучи взрослой.

Юрий Ц. утверждает, что на него еще в дошкольном возрасте повлияли бабушкины разговоры. Бабушка хорошо помнила политику украинизации, свернутую Сталиным в начале 30-х годов. В результате Юрий решил, что он украинец. Александра Ч. к десяти годам уже знала, что мать у нее — украинка, а отец — русский. Но реально вопрос о самоидентификации для нее встал лишь при получении паспорта, когда она решила, что будет русской. Вообще различия между местными русскими и украинцами Александрой воспринимались как малозначимые, как и в случае с Георгием С, выросшим примерно в такой же среде. Тамара Б. с детства знала, очень интенсивно испытывала воздействие двух этнических сред: ленинградской русской и киевской украинской:

«Практически, каждое лето я была на Украине. Со своими двоюродными сестрами. Я слушала радио, я слушала язык. Я, конечно, неумела читать. В тот момент, конечно, это детское. Мы с сестрами могли спорить на полном серьезе, какие города лучше: Киев или Ленинград. И скорее, тогда я себя ощущала русской, чем украинкой, больше. Но меня всегда очень тянуло туда. Я всегда это любила. Мне всегда очень хотелось на Украину. И, скажем, когда здесь я опять же оказывалась и когда меня, скажем, называли хохлушкой, меня всегда, поражало, допустим, что моих сестер там это оскорбляло. А мне здесь это даже нравилось всегда. Это, может быть, было какое-то даже кокетство, но это мне нравилось».

Тамара знала, что ее родители принадлежат к разным национальностям с очень раннего детства. У Ольги Н. от ее поездок на Украину остались лишь смутные воспоминания:

В.: В каком возрасте Вы начали осознавать свою принадлежность к русскому народу?

О.: Лет с одиннадцати я очень четко осознавала, что я живу в России, что хочу, чтобы страна называлась Россией, а не Советским Союзом, и что я не хочу уехать в другую страну жить. Ну, вот где-то в этом возрасте.

В.: А вот, что Вы русская, вот, установка когда могла у Вас появиться?

О.: Вы знаете, я вообще не могу сказать, что у меня есть такая четкая

установка. Русская. Нерусская. Ну, как-то даже я об этом не думаю.

В.: Помните ли Вы, при каких обстоятельствах Вы впервые узнали о своей принадлежности к русскому народу?

О.: Да как—то мне кажется, что я всегда знала, что моя мама с Украины, что мой отец русский. И в детском саду я это знала. Я как раз очень любила это повторять, что я наполовину русская, а наполовину украинка.

В.: Тогда Вы знали, что наполовину. А когда все-таки решили, что большие русская?

О.: Ну, я и сейчас готова говорить, что я наполовину украинка. Но просто все дело в том, что я ничего не знаю об Украине. Я не понимаю языка. Моя бабушка иногда начинает специально что-то говорить, читать Шевченко. Я ничего не понимаю. Поэтому я даже не могу говорить] что к Украине имею какое-то отношение, потому что я полная серость в этом отношении.

Александр И. также знал о том, что его мать — украинка с раннего детства. Но долгое время он не обращал внимания на различия между русскими и украинцами. Лишь когда он уже был в старших классах он начал замечать, что эти народы не во всем одинаковы:

«Ну, вот, как-то такие отличия в характере я заметил, когда ездил на Украину. Как вот вообще люди там, вот, отличаются от нас. То есть у нас народ, в общем-то, такой не очень-то спокойный. Но у нас все-таки народ такой тихий. А у них он такой шумный, боевой. Помню, что, там, в трамвае чтоб проехать, там, кто-нибудь кого-нибудь не толкнул, и не завязалась, там, какая-нибудь потасовка и крик, такого там, по-моему, вообще не было. Вечно споры какие-то. Чуть до драки не доходило. Ну, вот, я как-то это заметил. Мне как-то это не очень понравилось. Это да».

Следует заметить, что Александра мало интересуют какие-либо явления, имеющие отношения к этнической проблематике. Украинского языка он не знает и читать по-украински не пытается, хотя хорошо понимает свою бабушку, вообще не говорящую по-русски. Наталия К. полагает, что русской стала себя считать примерно с десяти-двенадцати лет:

«Наверно, я могу сказать об этом возрасте тогда, когда я стала осознавать бабушкины рассказы. Именно о воронежских краях, о Сибири. Это было десять-двенадцать. Как-то я больше считала себя именно русской, потому, что слишком были эпизодичны мои приезды на Украину и общение с моими украинскими родственниками».

Но все же Наталия оговаривается, что она не считает себя только русской, наполовину она все-таки украинка. Любопытно также заметить, что лет в семь-восемь, слушая язык соседей-молдаван и зная, что ее старшая сестра изучает в школе молдавский язык, Наталия начала понимать, что живет в Молдавии, стране с особым языком, отличным от русского, на котором говорили в семье.

Для Лидии К. вопрос о ее этнической принадлежности так же неоднозначен. Украинкой она начала называть себя еще в младших классах, чтобы отличаться от остальных детей в том поселке в Бурятии, где проживала ее семья. О том, что ее отец — украинец она узнала благодаря тому, что у первоклассников спрашивали их национальность для записи в школьный журнал. В настоящее время Лидия более склонна называть себя русской. Но вопрос о ее этнической принадлежности является для нее весьма малозначимым.

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

Анатолий Х. первое представление об этнических и расовых различиях получил в Казахстане, где его семья проживала в течение двух лет. Тогда информанту было пять-шесть лет. В то время он отличал казахов и чеченцев от людей восточнославянского происхождения. Но русских и украинцев друг от друга еще не отличал, а начал видеть разницу между ними, уже поступив в школу. Решение о том, чтобы записаться в паспорт русским информант сделал по чьему-то то ли совету, то ли указанию о том, что национальность должна избираться по отцу. Долгих раздумий об этом у него в то время не было. Однако сейчас он чувствует себя ближе к украинцам.

Станислав О. несколько отличается по принципу избрания своей этнической самоидентификации от остальных информантов из украинско-русской группы. Уже лет в семь-восемь он начал осознавать себя украинцем. Отличие от других информантов состоит в том, что Станислав причислил себя к этническому меньшинству, а не к этническому большинству населения или к двум этносам сразу. Можно было бы полагать, что к меньшинству себя причислила и Наталия К., считающая себя больше русской, но в Крыму русские составляют большинство населения, а сейчас Наталия живет в Петербурге.

Все же более осознанно Станислав стал отождествлять себя с украинцами с 17-18 лет, может быть, чуть раньше. Это время как раз приходится на конец 80-х годов, когда появилось много публикаций о межнациональных отношениях. Станислав говорит, что на его более сильную идентификацию с семьей отца могли повлиять также какие-то внутрисемейные отношения.

Для информантов в данной группе характерно длительное пребывание в состоянии неопределенности этнической самоидентификации. Это свойственно даже тем информантам, которые, наконец, сделали для себя выбор в сторону одного из этносов.

Еврейская группа. Обращает на себя внимание, что этническая самоидентификация у информантов в еврейской группе появляется в несколько более раннем возрасте, чем в украинской. Ряд информантов не связывают осознание своей еврейской этнической принадлежности с каким-то одним конкретным событием. Юрий Л., сколько себя помнит, всегда знал, что имеет еврейское происхождение. Леонид З. с семи лет уже точно знал, что он еврей. У Елены Л. такое знание о себе появилось примерно с десяти лет. У Сергея Б. еврейская самоидентификация присутствует со времени его пребывания в детском саду:

В.: Помнишь ли ты, при каких обстоятельствах ты впервые узнал о своей принадлежности к еврейскому народу?

О.: Как только ощутил себя человеком... С детского сада я знал, что я еврей.

В.: То есть обстоятельства, когда ты впервые узнал это, ты не помнишь.

О.: Я осознавал, что я еврей, что я не такой, как все.

В.: Но ты знал, что существуют какие-то другие народы, или что вот только евреи и русские.

О.: Несомненно. Мы жили в коммуналке. И там был интернационал. Там были татары, там были поляки, там были русские, там были эстонцы, там были евреи.

В.: И ты еще до школы ты в принципе знал, кто есть кто, тебе сказали.

О.: Да.

В таком же возрасте еврейкой себя осознала Ольга Д.:

В.: В каком возрасте Вы начали осознавать свою принадлежность к еврейскому народу?

О.: Лет с пяти.

В.: Помните ли Вы, при каких обстоятельствах Вы впервые узнали о своей принадлежности к еврейскому народу?

О.: Я очень долго не спрашивала. Но я просто поняла, из разговоров в семье, что мы евреи. И как-то сразу поняла, что как бы это данность. Это не очень хорошо в данный момент, потому что за это можно пострадать. Но это данность, и от этого никуда не денешься.

Память других информантов сохранила воспоминания о каких-то обстоятельствах осознания своей этнической принадлежности. Вера Ю. узнала, что она еврейка в семь лет.

В.: А помните, при каких обстоятельствах?

О.: Помню. Пришел дедушка, и он говорил с бабушкой на идиш. А у меня были друзья в это время в гостях. И они ужасно удивились и стали спрашивать, как это дедушка говорит. Ну, что он странно говорит. Тут я впервые поняла, что я не понимаю, почему странно. То есть я понимаю, что он говорит не так. Я до этого не обращала внимания.

В.: А на идиш Вы ничего не понимаете?

О.: Нет. Просто так дедушка говорит и все. Я не задавалась этим вопросом.

Анна З. осознала свою принадлежность к еврейскому народу примерно в пять лет:

«Во дворе мне предложили убираться в свой Израиль, когда я попросила взять меня поиграть в классики. Нет, я знала, что я еврейка. Ну, так говорили... Я знала, что родители мои — евреи. Но как бы я этого не чувствовала. Тогда я пришла домой и сказала, что, вот, выпишите меня из евреев, потому что я вообще-то здесь жить хочу. И тогда мне всё объяснили. Как бы как к этому относиться...»

А второй раз у меня был такой урок самосознания в третьем классе. Если Вы помните, в библиотеках надо было писать свою национальность: в школьной библиотеке в формуляре надо было писать национальность. И папа написал, что я еврейка. И я все-таки этого стеснялась же. Поэтому, будучи в библиотечном активе, я выкрала свой формуляр и написала там «русская». И наша библиотекариша, Анна Самойловна, отведя меня в угол, сказала: [конец первой стороны кассеты Б. В.). Такой урок».

Елене Г. было лет одиннадцать-двенадцать, когда с ней приключилась такая история:

«Был мальчик в школе, на год старше, который вдруг начал меня дразнить. Причем в его интерпретации это звучало так, он бегал, я вот его отчетливо представляю, такой маленький, толстенький, рыженький, бегал и кричал: «Цыганка-еврейка, цыганка-еврейка». Вот так, через черточку. Мне как-то это ужасно было обидно. Справиться я с ним физически не могла. Я приходила домой, рыдала. Ну, как-то вот рыдания увидел папа и сказал, что, собственно говоря, принципиально [неразборчиво — Б. В.): «Ну, да. Еврейка. Не цыганка. Но еврейка. И что тут плохого?» И вот как-то в этот момент до меня вдруг дошло: «Да. Я еврейка. Он русский. Ну и что?» Во время очередной нападок таких я подошла, четко так и сказала: «Да, я еврейка и тем горжусь. И что?» У мальчика были большие глаза, и

Б. Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

больше он меня не дразнил. То есть для него это просто было, вот извне откуда-то услышал. Вот, наверное, вот так».

Ефим С. осознал, что его еврейское происхождение является чем-то значимым для людей лет в возрасте десяти-одиннадцати лет, когда учительница оскорбила его на уроке. Наиболее шокирующий случай произошел с Матвеем Д.:

В.: В каком возрасте Вы начали осознавать свою принадлежность к еврейскому народу?

О.: Довольно рано. Наверно, даже в дошкольном. Потому что меня били, уже начали бить где-то с пяти лет. Я же здесь вот вырос в «Апраксином дворе», в Апраксином переулке. Публика у нас была соответственная, и я это все на себе очень рано узнал.

В.: Помните ли Вы, при каких обстоятельствах Вы впервые узнали о своей принадлежности к еврейскому народу?

О.: Ну, вот один раз я сидел возле дома, играл с котенком. Мне было лет, наверно, пять или шесть. И подошли мальчишки, и обозвали меня, схватили котенка и так его ударили о тумбу, — там такие были тумбы, чтобы автомобили не въезжал под арку, — и даже мозги котенка вылетели. Я был забрызган и кровью, и мозгами этого котенка.

Еврейско-русская группа. Информанты в этой группе не рассказывают таких драматических историй о моменте осознания своего происхождения, как люди «чисто» еврейского происхождения. Вот как узнала национальность своих родителей Александра В.:

В.: В каком возрасте ты начала себя считать русской?

О.: Я, по-моему, пожизненно считала себя русской... Я просто всегда думала, что я русская, наверно. Просто не акцентировала внимание, отец у меня еврей или нет. Потом только стала.

В.: Помнишь ли ты, при каких обстоятельствах ты впервые узнала о том, что твои родители имеют разное этническое происхождение?

О.: Честно говоря, я только в десять лет узнала, что у меня папа еврей. Мне просто даже в голову не приходило до десяти лет по национальностям. Потому что я посмотрела в журнале. У меня стоял прочерк в графе национальность. Я знала, например, что наша учительница Маргарита Осиповна — еврейка. Это я знала. Но мне как—то это все равно было. Ну, я пришла с вопросом к отцу, что, почему в моей графе национальность не стоит? Там, русский, там, татарин, еврей, а у меня ничего нет. Прочерк. Ну, тогда мне сказали, что у нас папа — еврей, а мама — русская. И пока мне не исполнится шестнадцать лет, у меня нет национальности. Ну, пока не выберу сама себе национальность. И все.

Евгений К. получил сведения о национальности своих родителей в более раннем возрасте:

В.: В каком возрасте Вы начали осознавать свою принадлежность к еврейскому народу?

О.: Я, значит, это стал ощущать в школе, в классе так я думаю в шестом или в пятом. Я понимал, что К. [фамилия информанта — Б. В.] — это не Иванов, так сказать. А в детстве, еще в раннем детстве какие—то цыганята кричали мне: «Эй, еврей, еврей» на даче. И я не понимал, что это значит. Мне казалось, что еврей — это ефрейтор. Я путал. Я к дедушке пришел и сказал: «Дедушка, почему

меня называют каким-то солдатским или офицерским чином, ефрейтор». Дедушка мне объяснил, какой я ефрейтор. Я думаю, мне было лет, наверно, семь. Кстати, вот интересный момент. Он может не очень относится к вопросу. Мне было, пожалуй, лет семь, а может даже и восемь. Как сейчас моим детям, которым, вот Кате, моей дочери девять. А сыну десять. Они уже не только хорошо знают, что они евреи. Это не то слово. Они знают иврит, они все праздники, там. То есть, они знают все».

В.: Вот Вы говорили, что в детстве слышали, как Ваши дедушка и бабушка разговаривали на идиш. И как-то Вас это, не вызывало ни удивления?

О.: Раздражение. Я понимал, что здесь что-то не то, вот как бы. Но четко я тогда не очень понимал, в чем тут дело.

Наталии Р. еще до школы много о своих родственниках рассказывала ее мать. Александр Б. также знал, что его родители принадлежат к разным национальностям. Марк М. что-то о национальности своих родителей знал еще в начальных классах, но тогда его это мало интересовало. Серьезно об этом он задумался лишь при получении паспорта, когда необходимо было принять решение, какую национальность записать в паспорт. Анатолий В. впервые задумался о своем происхождении еще позже:

В.: В каком возрасте Вы начали осознавать свое этническое происхождение?

О.: Нет. Это более в таком... Лет в семнадцать. Когда я почувствовал этот антисемитизм, наверно, понимаете. В школе как-то он меня не затрагивал. То есть это как-то со стороны было. А когда в более таком уже зрелом, когда уже почувствовал это и столкнулся с этим, тогда, наверно, я себя почувствовал так. То есть после школы в какой-то уже, вот.

В.: Сколько лет Вам было, когда Вы начали понимать, что существуют различия между евреями и русскими?

О.: Затрудняюсь ответить. Я не делил по национальному признаку.

Обращает на себя внимание то, что для информантов, имеющих еврейских предков, осознание своей связи с еврейским народом часто было сопряжено с заметными психологическими переживаниями, зачастую связанными с проявлениями предубеждений против евреев. Информанты, имеющие украинских предков, в значительно меньшей степени являются жертвами подобных предубеждений. Видимо, их неспособность вспомнить какие-то конкретные моменты осознания своей связи с украинской группой, связаны с тем, что это событие было менее эмоционально окрашено, чем у информантов, имеющих еврейских предков. Но важно заметить, что у информантов представление об их этническом происхождении, как правило, предшествует формированию прочих компонентов этнической идентичности. Особенно отчетливо это видно у информантов «чисто» украинского и «чисто» еврейского происхождения. Стоит также указать, что при поиске информантов автор стремился включить в выборку людей, с максимально разнообразными проявлениями этнической идентичности. Можно предположить, что при репрезентативной выборке информантов замеченные закономерности проявились бы более отчетливо.

11. Выводы

Прежде всего, следует отметить, что большинство информантов, происходящих из одноплеменных семей, относят себя к этносу своих родителей. Причем общим признаком, свойственным всем членам этнической группы, выступает не какой-то объективный признак этноса (язык, обычаи, вероисповедание и т.д.), а исключительно этническая самоидентификация. Выходцы из смешанных семей могут испытывать сложности в выборе своей этнической принадлежности и даже, будучи взрослыми людьми, не всегда идентифицируют себя однозначно. Место рождения и социализации оказывает довольно слабое воздействие на самоидентификацию информантов, имеющих одного или обоих родителей-евреев. Однако и для людей украинского или украинско-русского происхождения связь этнической самоидентификации с местом, где они родились и выросли, не является автоматической, а во многом определяется еще взаимодействием данной переменной с другими факторами, такими как этнический состав населения региона, традиции конкретной семьи, поездки к родственникам и т.д.

Воздействие знания еврейских языков (иврита и идиша) на этническое самосознание информантов еврейского происхождения минимально. Скорее можно говорить об обратном влиянии: о влиянии этнической идентичности на желание изучать язык предков. Кстати, это может иметь место и у информантов, имеющих украинских предков. Влияние иудаизма на еврейскую этническую самоидентификацию примерно такое же, как влияние знания еврейских языков. Скорее знание о своем еврейском происхождении воздействует на самоидентификацию с еврейской религией. Роль православия в повседневной жизни людей, имеющих украинских предков, выше, чем роль иудаизма у имеющих еврейских предков. Однако в условиях русского города православие не выступает для украинцев в качестве этнодифференцирующего признака. Исключением, возможно, являются приверженцы греко-католической церкви, как это имеет место с семьей Юлии У. Однако выходцы из Галиции, где греко-католическая деноминация является наиболее многочисленной, среди украинцев Петербурга составляют меньшинство.

На этническую идентичность людей украинского происхождения, учившихся на Украине, значительное влияние оказал школьный курс украинского языка и литературы. Для формирования этнического самосознания у информантов еврейского происхождения гораздо большее значение имели контакты с учителями и товарищами по учебе. У информантов украинского происхождения, окончивших школу за пределами Украины, в наибольшей степени на этническую идентичность во время обучения в школе воздействовали контакты со школьными друзьями различных национальностей.

Художественная литература в качестве источника об этносе своих предков сыграла более важную роль для информантов еврейского происхождения. Часто чтение книг Фейхтвангера или Шолом-Алейхема были единственной возможностью получить хоть какую-то информацию об истории еврейского народа. В то же время, украинская литература сыграла чрезвычайно важную роль в формировании идентичности тех информантов, которые получили среднее образование на Украине.

Из сообщений информантов видно, что, даже несмотря на то, что многие не

придают этому особого значения, именно семья выступает главным агентом их этнической социализации. Одним из механизмов сохранения такой роли семьи выступают этнически однородные браки. Причем это имеет большее значение для евреев, которые проживают в иноэтнической среде, чем для украинцев, не придающих национальности брачного партнера особого значения. Наличие каких-то этнических предрассудков и дискриминации в очень незначительной степени повлияли на информантов, имеющих украинских предков, зато это один из наиболее важных факторов, влияющих на идентичность тех, кто имеет одного или обоих еврейских родителей. А вот межгосударственные отношения между Россией и Украиной, между Россией и Израилем, хотя и влияют на этнические чувства респондентов, в настоящее время какого-то серьезного влияния на этническую самоидентификацию не оказывают.

Информанты украинского происхождения, как правило, впервые начинают задумываться о своей этнической принадлежности в начальной школе или несколько позже. При этом переживания связанные с формированием их этнической самоидентификации обычно не занимали слишком заметного места в их сознании. Данные полученных интервью позволяют предположить, что формирование этнической самоидентификации у информантов еврейского происхождения начинается несколько раньше, чем у имеющих предками украинцев. Как правило, информанты начинают осознавать свое еврейское происхождение либо в первых же классах начальной школы, либо еще до поступления в школу.

Приложение Краткие сведения об информантах

Украинская группа

1. **Алексей К.** Родился в 1957 г. в украинско-немецкой деревне в Алтайском крае. В Ленинграде живет с 1975 г. Кандидат наук, преподаватель вуза.

2. **Георгий С.** Родился в селе в Луганской области в 1935 г. Учился в школе сначала с украинским, а потом с русским языком обучения. После службы в армии, где был на командных и преподавательских должностях, работает заместителем директора исследовательского института по общим вопросам. Отец погиб на фронте.

3. **Татьяна Н.** Химик, кандидат наук, работает научным сотрудником в исследовательском институте. Родилась в городе Умань Черкасской области в 1949 г. До пяти с половиной лет жила в Умани в семье родителей матери. Потом переехала в Ленинград к родителям, которые к этому времени закончили там свою учебу.

4. **Александр С.** Родился в 1951 г. в городе Бориславе Львовской области. В шестнадцатилетнем возрасте переехал в Ленинградскую область, а затем в Ленинград. Окончил школу с преподаванием на украинском языке. Образование среднее. Был рабочим-станочником, фотокорреспондентом, заведующим фотолабораторией, инженером, заведующим магазином. Редактирует украинский журнал, издающийся в Петербурге.

5. **Игорь С.** Родился в 1969 г. в Ленинграде. Образование среднее. Окончил профессионально-техническое училище. Работает столяром.

Б. Е. ВИНЕР
*Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
 современного Санкт-Петербурга*

6. **Юлия У.** Родилась в Ленинграде в 1972 г. До школы жила в украинском селе во Львовской области у родственников. Позже регулярно посещала родственников. Образование высшее. Работает учителем в школе.

Украинско-русская группа

7. **Татьяна Г.** Родилась в городе Камышлове Свердловской области в 1947 г. В Ленинграде с 1969 г. Образование среднее. Была секретарем. В настоящее время работает машинисткой. Отец — русский. Родители развелись, когда Татьяне было два года. Отчим тоже русский. Мать — украинка.

8. **Наталья К.** Родилась в селе в Молдавии в 1954 г. До 1969 г. семья жила в Молдавии, а оттуда переехала в село под Евпаторией. Окончила Крымский университет. В Ленинграде с 1989 г. Работала воспитателем в общежитии и преподавателем древних языков и источниковедения в негосударственных вузах. Мать — русская, отец — украинец.

9. **Александр И.** Родился в Ленинграде в 1976 г. Студент-второкурсник технического вуза. Отец - русский, мать - украинка.

10. **Ольга Н.** Дочь Татьяны Н. Родилась в Ленинграде в 1978 г. Студентка третьего курса вуза. Отец - русский, мать — украинка.

11. **Тамара Б.** Родилась в 1963 г. в Киеве, где проживала семья ее матери. Вскоре ее семья вернулась на родину отца в Ленинград. Кандидат наук. Работает научным сотрудником в НИИ. Отец — русский, мать — украинка.

12. **Лидия К.** Родилась в 1957 г. в Читинской области. В детские годы вместе с семьей проживала в Читинской и Амурской области, в Бурятии и на Украине. Когда Лидия была в пятом классе, она полгода училась на Украине в школе с украинским языком преподавания. Историк, работает преподавателем в техникуме. Мать — русская, отец — украинец.

13. **Анатолий Х.** Родился в Черкассах в 1948 г. Отца, который был русским, почти не помнит. Воспитывался матерью и отчимом — украинцами. В середине пятидесятых годов семья два года провела на целине. Оттуда вернулись в Черкассы, а в 1967 г. переехали в Одессу, где информант окончил вуз. В Черкассах он учился в школе с преподаванием на украинском языке. Работал биологом. С 1976 г. живет в Ленинграде. Сейчас является депутатом местного самоуправления.

14. **Александра Ч.** Родилась в 1956 г. в Макеевке Донецкой области. Когда ей было 13 лет, была отправлена на лечение в санаторий в Евпаторию, где провела два года. В Ленинграде с 1975 г. По первому высшему образованию Александра - фармацевт. Позже получила диплом менеджера по туризму. Работала фармацевтом в аптеке и на временных работах. Отец — русский, мать — украинка.

15. **Станислав О.** Родился в Ленинграде в 1970 г. Закончил вуз и аспирантуру. Работает по договорам в исследовательском институте. Отец — украинец, родился на Дальнем Востоке. До переезда в Ленинград (отцу тогда было 6—7 лет) его семья жила на Дальнем Востоке и на Украине. Мать — русская, родилась в Ленинграде.

16. **Юрий Ц.** Муж Тамары Б. Родился в 1954 г. в Киеве. В 1962 г. семья переехала в Луганск, а оттуда в 1966 г. в Киев. С 1996 г. Юрий живет в Петербурге. Закончил один вуз в Чернигове и один в Ленинграде/Петербурге. Кандидат наук. Работает научным сотрудником в НИИ.

*МИР РОССИИ. 1999. N1-2**Еврейская группа*

17. **Юрий Л.** Родился в Ленинграде в 1954 г. Кандидат наук. Работает научным сотрудником в музее и преподает в вузе. Мать умерла, когда Юрий был маленьким ребенком. После смерти матери информанта отец вступил в новый брак. Поэтому Юрия в основном воспитывали дедушка и бабушка по матери.

18. **Сергей Б.** Родился в 1951 г. в Ростове-на-Дону. В 1952 г. семья переехала в Ленинград. По образованию Сергей инженер-строитель. После окончания института работал по специальности. С 1991 г. работает преподавателем иврита.

19. **Елена Г.** Родилась в Ленинграде в 1961 г. Кандидат наук. Работает учителем в школе.

20. **Ольга Г.** Родилась в 1958 г. в Ленинграде. В возрасте с одного года до семнадцати лет вместе с семьей жила в Караганде. По образованию горный инженер. Сейчас безработная.

21. **Матвей Д.** Родился в 1944 г. в Ленинграде. Образование высшее. Работает редактором в издательстве и преподавателем истории в еврейской воскресной школе

22. **Ольга Д.** Родилась в Ленинграде в 1946 г. По образованию историк. Сейчас работает страховым агентом и ведет активную деятельность в еврейских организациях Петербурга.

23. **Анна З.** Родилась в Ленинграде в 1963 г. Образование высшее. Работает учителем в школе.

24. **Леонид З.** Родился в г. Коростень Житомирской области, где проживал до призыва в армию. Отец погиб на фронте. Мать была рабочим. В период оккупации Украины германскими войсками семья находилась в эвакуации. Получил высшее военное образование. Служил в разных местах Советского Союза. Участник крупных международных спортивных соревнований. Воевал в Афганистане. После выхода в отставку работает в школе учителем.

25. **Елена Л.** Родилась в Ленинграде в 1961 г. Образование высшее. Работает учителем в школе.

26. **Ефим С.** Родился в Одессе в 1940 г. Во время войны находился в эвакуации. После окончания Одесского университета 4 года работал в Челябинской области. Затем переехал в Ленинград. 20 лет был физиком, после чего работал не по специальности («менеджером»). В настоящее время на пенсии.

27. **Вера Ю.** Родилась в 1971 г. в Ленинграде. Образование высшее. Работает учителем в школе.

Еврейско-русская группа

28. **Александр Б.** Родился в 1960 г. в Ленинграде. Доктор наук, работает в НИИ. Отец — еврей. Умер, когда Александр был подростком. Мать - русская.

29. **Александра В.** Родилась в 1946 г. в Потсдаме. В 1948 г. после увольнения отца с воинской службы семья переехала в Ленинград. У Александры среднее специальное образование. Она работает продавцом в магазине. Отец — еврей, мать — русская.

30. **Елена А.** Родилась в Ленинграде в 1961 г. Образование высшее. Работает в библиотеке. Отец — русский, мать — еврейка.

Б.Е. ВИНЕР
Этническая идентичность у крупнейших меньшинств
современного Санкт-Петербурга

31. **Анатолий В.** Родился в Ленинграде в 1950 г. Закончил техникум. Работает монтером. Отец — русский, рано ушел из семьи. Анатолий многие годы поддерживал отношения с дедом по отцу. Мать — еврейка. В детстве Анатолий воспитывали мать, ее сестра, бабушка и прабабушка по материнской линии.

32. **Марк М.** Родился в Ленинграде в 1962 г. Кандидат наук. Работает в библиотеке. Отец — русский, мать — еврейка.

33. **Любовь Ф.** Родилась в 1962 г. в Ленинграде. Образование высшее. Работает программистом. И у отца, и у матери отцы — евреи, а матери — русские.

34. **Евгений К.** Родился в Ленинграде в 1962 г. Образование высшее. После окончания института работал библиотекарем. Затем начал работать кочегаром в котельной. Одновременно с этим стал заниматься литературной деятельностью. В настоящее время, работая кочегаром, одновременно является директором еврейской воскресной школы. Отец — еврей, мать — русская.

35. **Наталья Р.** Родилась в 1964 г. в поселке в Калининской области. Образование высшее. После окончания университета работала учителем. Теперь экскурсовод. Отец — еврей, мать — русская.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб., 1998.
2. Более детально о теоретической концепции автора см.: Винер Б. Е. Этничность в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4.
3. Hogg M. A., Abrams D. Social Identifications: a Social Psychology of Intergroup Relations and Group Process. L.; N.Y., 1988.
4. Turner J. C. Towards a cognitive redefinition of the social group // Social Identity and Intergroup Relation. Cambridge; P., 1982.
5. Turner J. C. Social identification and psychological group formation // The Social Dimension: European Developments in Social Psychology. V. 2. Cambridge; P., 1984.
6. Verkuyten M. Self-definition and ingroup formation among ethnic minorities in the Netherlands // Social Psychological Quarterly. 1991. V. 54 (3).
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
8. Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987.
9. Винер Б. Е. К построению качественной регрессионной модели этнической идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. N 3.
10. Sieber S. D. The integration of fieldwork and survey methods // American Journal of Sociology. 1973. V. 78(6).
11. О полуформализованном интервью см.: Веселкова Н.В. Полуформализованное интервью // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 103—110.
12. Glaser B. G., Strauss A. L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago, 1967.
13. Waters M. C. Ethnic Options: Choosing Identities in America. Berkeley, 1990.
14. Дзюба І. Українофільство чи русифікація? // Ukraine after Shelest. Edmonton, 1983; Кравченко В. Ukrainian Past, Ukrainian Present. N.Y., 1993; Букчин С. Попытка возврата // Вестник еврейского университета в Москве. 1993. № 2. С. 132-148; Костырченко Г. В плену у красного фараона: политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994; Gitelman Z. A Century of Ambivalence. The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. N.Y., 1988.